

ЦЕНТР СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ

ВЯЧ. ИВАНОВ: PRO ET CONTRA

*Личность и творчество Вячеслава Иванова
в оценке русских и зарубежных мыслителей
и исследователей*

Антология

Т. 2

Центр содействия образованию
Санкт-Петербург
2016

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырев (председатель), В. Е. Багно, С. А. Гончаров,
А. А. Ермичев, митрополит Иларион (Алфеев),
К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, В. Ф. Федоров, С. С. Хоружий*

Ответственный редактор тома

Д. К. Богатырев

Составители:

К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин

Научный редактор тома

А. Б. Шишкин

*Составители выражают благодарность М. П. Лепехину и Н. И. Николаеву
за неоценимую помощь в работе над изданием*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Вяч. Иванов: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина ; коммент. коллектива авторов. — СПб.: ЦСО, 2016. — 960 с.

ISBN 978-5-906623-17-1

Второй том антологии «Вяч. Иванов: pro et contra» включает четыре раздела, разным образом представляющих личность, творчество и влияние поэта и мыслителя. В первом собраны научные статьи 1922–2010 гг., исследующие его роль в развитии культуры и теоретической мысли русского символизма. Эти русские, английские, американские и польские работы написаны в рамках различных направлений и методологий. Второй раздел содержит выдержки из переписки, эпистолярных диалогов Вяч. Иванова 1907–1948 гг. с поэтами, философами и учеными его времени. В избранных фрагментах Иванов является не только субъектом, но и объектом высказываний, как полемических, так и апологетических; культурная роль его обсуждается современниками с ним самим параллельно ее осуществлению. Отдельные разделы представляют фигуру Вяч. Иванова в стихах и пародиях современников — в круге как его единомышленников, так и противников.

Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся гуманитарной проблематикой XX в.

На фронтисписе:

Вяч. Иванов. Рисунок Г. А. В. Траугот. 2015 г.

УДК 821.161.1

- © К. Г. Исупов, составление, 2016
- © А. Б. Шишкин, составление, 2016
- © Коллектив авторов, комментарии, 2016
- © Центр содействия образованию, 2016
- © «Русский Путь», название серии, 1993

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЯЧ. ИВАНОВА

*Из переписки Вяч. Иванова с Е. Аничковым, А. Белым,
В. Брюсовым, М. Боура, М. Бубером, Н. Гумилевым,
А. Годяевым, Б. Зайцевым, Э.Р. Курциусом, Н. Оцупом,
Л. Пачини-Савой, А. Пеллегрини, Э. Райх, Г. Робакидзе,
В. Рудневым, П. Флоренским, Д. и Л. Ивановыми,
Л. Шестовым, Е. Шором*

В. Я. Брюсов — В. И. Иванову

Конец июля 1907, Москва — Петербург

Дорогой Вячеслав!

Силою обстоятельств письма наши стали исключительно деловыми, — не сердись на это, ибо вина, кажется, не моя.

Ты просишь меня определить отношения «Весов» к тебе. Но отношения эти никогда не менялись. «Весы», если можно говорить об этом отвлеченном или собирательном понятии, всегда чтили в тебе большого поэта и большого писателя и потому всегда дорожили твоим участием. Напротив, это твое отношение к «Весам» переменялось, ибо за последние полтора года ты им не дал ничего, кроме небольшого стихотворения, тогда как в те же месяцы в «Руне», в «Цветнике Ор», в «Белых ночах» и «инде» — печатал и стихи и статьи.

Что касается лично моего отношения к тебе, то три наши последние встречи как-то позволяли мне надеяться, что мы понимаем нашу близость, чувствуем ее, наперекор некоторым внешним разобщающим нас силам. А мое отношение к тебе как к *поэту* выразилось в моей рецензии на «Эрос», где я прямо отказался судить тебя, признав тебя в числе тех, кто выше суда своих современников¹. И поскольку мое влияние простирается на «Весы», постольку я отстаиваю в них это мнение и постольку я всегда готов и рад тебе содействовать.

Но ты укажешь мне на враждебные статьи «Весов» против тебя и «литературных зачинаний, с которыми связано твое имя» (только не «инсинуации личного характера»: таких в «Весах» не было и не может быть). Во-первых, отвечу я, ты сам сделал ошибку, связав свое имя столь тесно с именем Георгия Чулкова.

Нам, живущим в Москве, простительно было не сразу понять его и из сострадания относиться к нему снисходительнее, нежели он того заслуживал. Но ты, встречаясь с ним часто, должен был понять сразу то, что теперь стало ясно для всех, — что это не только бездарность (как я всегда утверждал), но еще шарлатан, рекламист и аферист. Я надеюсь, что после наглой выходки Чулкова в последнем № «*Mercure de France*»² ты порвешь всякие сношения с этим господином. Чулков получал в «Весах» то, что он заслуживал, но, к сожалению, говоря об нем, приходилось часто упоминать и тебя. Во-вторых же, я не считал себя вправе стеснять свободу мнений близких и постоянных сотрудников «Весов». За последний год всю журнальную, повседневную (ты знаешь сам, не легкую) работу в «Весах» несли преимущественно Андрей Белый, З. Н. Гиппиус и Эллис. Справедливо было, чтобы они за то имели право на страницах «Весов» высказывать свои суждения. И, конечно, я не вычеркивал из их статей тех строк, где они нападали на тебя лично, находят такое-то твоё стихотворение неудачным или такую-то статью слабой, — или на близких тебе лиц, осуждая Блока или отрицая, что произведения Лидии Дмитриевны суть художественные произведения³. Ты говоришь, что допускаешь «философскую критику» мистического анархизма, но таковой быть не может. Мистический анархизм по моему глубокому убеждению не существует, ибо это нестройный агрегат разных утверждений, увы, слишком часто (в статьях Чулкова, например) отзывающихся плагиатом. Я уже писал тебе, что против мистического анархизма есть только одно оружие: насмешка, и «Весы» будут именно так относиться к нему, если только не предпочтут молчать. Твою же близость к этому «зачинанию» я не умею объяснить ничем, кроме большого недоразумения, и, читая твои статьи, всегда легко отделяю истину от случайного. Я очень ценю и читал с большим наслаждением твою новую статью в «Золотом руне», но вынимая из нее пять-шесть строк «мистически-анархистских», совершенно не идущих к делу.

Рукопись «*Cor ardens*» мы еще не получили. Разумеется, вопрос о ее издании стоит особняком от вопроса о твоём отношении к «Весам» потому, что издание «*Cor ardens*» решено. Но я думаю, что и ты не разделяешь «Весов» от «Скорпиона», ибо это не два отдельных предприятия, а одно дело, одна душа, одни и те же люди.

<...>

Впервые: ЛН 85. С. 500–501. Публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и Н. В. Котрелева. Печатается в сокращении по этому изданию. Об отношениях ВИ и Брюсова см. ЛН 85. С. 428–434 и наст. изд., т. 1, по указат. Комментарии С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и Н. В. Котрелева.

¹ Сб. стихов ВИ «Эрос» (СПб., 1907) — первая книга, выпущенная издательством «Оры». Отзыв о нем и о сб. «Ярь» С. Городецкого Брюсов дал в обзоре «Новые сборники стихов» («Весы». 1907).

² 16 июля 1907 г. парижский журнал «Mercure de France» (№ 242) поместил статью «Le mysticisme anarchique» («Анархический мистицизм»). Статья вызвала возмущение в кругу русских символистов в силу ее некомпетентности и ряда фактических неточностей. ВИ отозвался на нее протестующим письмом в редакцию, напечатанным в газете «Товарищ» (1907, № 379, 23 сентября). Вдохновитель статьи, Чулков также заявил о «принципиальной ошибке» ее автора, не отличающего мировоззрение писателя от его художественных приемов (там же).

³ Отрицательный отзыв о книгах Л. Д. Зиновьевой-Аннибал содержится в статье З. Н. Гиппиус «Братская могила» (Весы. 1907. № 7).

В. И. Иванов — В. Я. Брюсову

4 августа 1907, Загорье — Москва

Дорогой Валерий! Решительно пора мне написать тебе, как следует, — т. е. достаточно много с одной стороны, с другой — в тоне большей, чем в коротких и деловых письмах, непринужденности и открытости. И хотя все, о чем хочу писать, будет иметь прямое отношение к нашим «деловым» темам, тем не менее самая непринужденность и, быть может, разговорчивость этого письма дает, мне по крайней мере, впечатление устного разговора. Я ненавижу суррогаты, но теперь слишком стосковался по личному общению с тобой и очень в нем нуждаюсь. Итак, буду говорить с дружескою доверчивостью и прямою (за которую ты, я надеюсь, не рассердишься на меня, единственного, быть может, твоего друга в неложном смысле) — отправлюсь от наших текущих злоб дня и контrovers. Твое подробное письмо, за написание которого я тебе благодарен, дает мне вежи; и, кроме того, истинное дружеское чувство, каким всегда проникнуты твои редкие и — пусть даже подчас

враждующие — строки, создает надежную почву для той откровенности, какая мне кажется в данном случае уместной и нужной.

Мы имеем на очереди тему: «Весы». Я скажу тебе, не обинуясь, как я смотрю на них в настоящее время. В деловом отношении ты можешь с этим мнением совершенно не считаться; про себя ты признаешь или не признаешь правду в моих словах. «Весы» тебя внутренне не интересуют. Они для тебя средство и орудие внешних воздействий и влияний на литературу и особенно на биржу литературных ценностей дня. Они придают твоему положению в литературе большую независимость, упрочивают его. Излишне уверять тебя, что мне достаточно ясна огромность твоего таланта, как и его гибкость; ты мог бы быть «prince»¹ и без «Весов». Но все же «представительство» полезно. И вот ты имеешь в «Весах» твой «большой дом», где ты поместил и свой департамент поэтической дел. У тебя свои чиновники, которые иногда похожи на лакеев (разумею и Эллиса, и Андрея Белого)². Иногда ты сам кладешь резолюции на текущие дела (в виде рецензий), напоминая литературные авторитеты и ссылаясь на соответствующие статьи уложенный гражданского и пиитического. Умертвив журнал, в смысле органа идейного движения, обратив его в «Правительственный вестник» традиций и канонов одной маленькой литературной эпохи, которую ты настойчиво называл некогда «бальмонтговской», ты вместе с тем сумел сделать «Весы» более приемлемыми и интересными для «матушки-публики». Здесь ты многими даже лавировками вправо, в сторону чистого академизма, и главное беллетристической, которую сам блестяще обогащаешь. Твой «Огненный ангел», хоть не всеми частями, безусловно хорош. Поразительна его как бы графическая отчетливость — в роде старинных немецких гравюр. При отсутствии внутреннего, идейного интереса к журналу ты, естественно, допустил в нем непонятный для мыслящего читателя эклектизм и беспринципную разногласицу случайных мнений. В охранительной гавани «Весов» нашли себе приют и обломки разбитого бурями «Нового пути»³. Добро ли, что ты в «Весах» наделал для литературы, — вопрос спорный. Но бесспорно для меня одно: что ты ответствен за все, что совершается в «Весах» (улыбнись; так правительство обвиняют в погромах), — ответствен, если не подстрекательством, то попустительством, и несомненно для меня, что твоего *mot d'ordre*⁴ достаточно, чтобы нахал стал пристоем, а одержимый излечился от судорог, — как, например, ведь правительственным внушением объясняется, что Андрей

Белый имеет низость хвалить Кузмина, как он делает это в рецензии о «Цветнике Ор», после всего, что он писал о нем раньше в строках и между строк⁵.

Говорю все это отнюдь не для того, чтобы обвинять тебя в чем-либо, кроме одного пункта: мертвящего идейного влияния на судьбы нового умственного и художественного движения. Усталые римляне были чрезвычайно счастливы замирением, предпринятым Августом.

Ты также хочешь установить в модернизме то, что называется рах Романа⁶. Здесь ты можешь обмануться в расчете, но можешь и восторжествовать — лет на пять, а в обывательской среде и на долгий, долгий срок (ведь и «Нива» теперь отчасти орган недавно <!> «модернизма»⁷). Осуждать же твой образ действий с иной точки зрения, чем эта, чисто идейная, я совершенно не склонен. Тем более, что ты правитель, вообще говоря, мудрый и тонкий и либеральный, и называешь себя только *principes civium*⁸ в своей империи. Мне жаль только, что вся эта политика твоя неизбежно делает тебя более организатором, чем творцом, каким бы ты должен был быть. И так как в поэзии именно *венок* есть венец царственный, то мне хочется напомнить тебе твой стих о венце, промененном на венок⁹. Разве, например, ты не видишь, что совершенство своей поэтической формы ты покупаешь слишком дорогой ценой — возврата на уже проложенное и исхоженные пути русского классицизма и псевдо-пушкинианства *sui generis*¹⁰?

<...>

Впервые: ЛН 85. С. 501–514. Печатается в сокращении по этому изданию. Комментарии С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и Н. В. Котрелева.

¹ Князем (*фр.*).

² Намек на панегирические отзывы Эллиса и Андрея Белого о творчестве Брюсова.

³ Из сотрудников «Нового пути» в «Весах» принимала деятельное участие только З. Н. Гиппиус.

⁴ Распоряжения (*фр.*).

⁵ В рецензии на альманах «Цветник Ор» Белый назвал его участника М. Кузмина одним «из наиболее ярких молодых талантов» (Весы. 1907. № 6. С. 67). В то же время он резко отрицательно расценил повесть Кузмина «Крылья» (Перевал. № 6. 1907).

⁶ Римский мир (*лат.*).

⁷ ВИ здесь подразумевает, что в журнале «Нива», популярном в обывательской среде, в 1906–1907 гг. стали печататься «модернисты» (Блок, Городецкий, а также Брюсов и Зиновьева-Аннибал).

⁸ Первым из граждан (*лат.*).

⁹ ВИ напоминает Брюсову его стихотворение «Искушение»: «Горе, кто обменяет / На венок — венец». Этими же стихами впоследствии укорял Брюсова и А. Белый, обвиняя его в неправильном понимании задач символизма («Венок или венец» — Аполлон. 1910. № 11).

¹⁰ Своего рода (*лат.*).

Андрей Белый — Вяч. Иванову

7 или 8 апреля 1908 года. Москва — Петербург

Дорогой, искренне любимый Вячеслав!

Я буду краток и резок. Все время я хотел бы Тебе верить, но вижу в Тебе какую-то двойственность. В докладе Твоем есть *неявный, замаскированный* выпад против Москвы. Так приняли *все*: так принял и я, как только получил тезисы доклада. Я люблю действовать на чистоту; на *замаскированный* выпад против московского символизма я отвечал *явным отпором*. Ты не поднял перчатки: сказал, что я Тебя не понял (в Кружке) и просил меня успокоиться и не бояться за свое целомудрие (в религиозно-философском обществе): ведь такой ответ — свысока брошенная насмешка вместо возражения по существу¹. (Так и приняли Твой ответ присутствовавшие.)

Наконец Ты говоришь при мне Низковскому, что символизм Брюсова, *пожалуй*, и не идеалистический (как бы нехотя), а с глазу на глаз *мне* говоришь, что Брюсов глубокий реалист. Ты говоришь мне с глазу на глаз, что идеализм и реализм в современном символизме суть две стихии, борющиеся в душе художника, а у Тебя в докладе вовсе не это: там два течения. Вот если бы Ты сказал это вслух, я не имел бы основания думать, что глубокие, вечные мистические проблемы Твоего доклада перемешаны с политикой сегодняшнего дня и притом проводимой не явно, а как-то скрыто: отсюда двойной смысл Твоего доклада носил характер еще и «*двусмысленного*» смысла. Вот какая подоплека бесила меня. Вот что заставило меня, мистика, выступить против Тебя, опуская и даже пропуская мимо ушей глубокое и вечное.

Глубокое и вечное должно соединяться с прямоотой и открытостью. Деление на эзотеризм и экзотеризм, занавешенность от малых сих никоим образом не сочетается с неискренностью. Если я ошибаюсь, да простит меня Бог. Но я всегда хочу Тебя любить, всегда хотел бы быть близким и вдруг, видя Тебя, утериваю подчас смысл Твоих слов. И вот когда закрадывается сомнение, я способен минутами верить, что великие мистические проблемы Ты способен превратить, например, в средство для политики, и что политика у Тебя цель, а мистика — средство. Тогда я способен, любя Тебя (желая любить Тебя таким, каким видывал в иные минуты), просто мстить Тебе за то значение, которое я Тебе приписывал. Я, например, могу усумниться: после нашего столь дорогого мне свидания у Тебя², Ты можешь намеренно глумиться надо мной; и тогда я кричу себе: для чего же он говорил мне: «Христос с Тобой». Пойми, что я пишу от открытого сердца. Слова, которые Ты мне говорил, слишком ответственные: ради Бога прости меня; *хочу в Тебя верить!*

Такого рода колебаниями обуславливалось мое недоверие к Тебе прошлой зимой. Теперь о тактике. Тут я знаю о себе вот что: я имею опыт, я знаю *умное делание*, уединенную молитву, но я имею реальный опыт *коллективной молитвы*, и по опыту знаю, что и этого еще недостаточно; надо создать катакомбные условия (эзотерические) для приготовления грядущего; я бы не мог говорить о соборности вслух толпе, как готов был это говорить 5 лет тому назад, ибо я *знаю* теперь *соборную молитву*. (Удельный вес слов и ответственность!!!) И потому-то мне кажется, что Ты пишешь и говоришь с какой-то литературной легкостью (как и Мережковский) о том, что есть предмет *реального созидания, дела*, а не литературы; *выступая об этом в литературе*, Ты претендуешь на *роль пророка*: а пророков не будет; не может быть теперь; получается какая-то ложь. Но если Ты и берешь на свою *ответственность* проповедь соборного делания (для меня это проповедь о втором пришествии Христа), я не могу на себя брать соучастие в проповеди; я лишь исповеданием своим тайных, субстанцией переживаний, устремленных к моему Господу, могу кому бы то ни было говорить. Так (знаю я) ничего не будет сорвано; всякое же всуе напоминание (в статье, в *credo* и т. д.) для меня уже начало провокации. Вот почему оттого, что Христа исповедую, я *не христианин* («Христос» и «христианство» исключают друг друга): я не могу быть уже с Мережковскими, и, конечно, уж я не с Булгаковым и Эрном. Твоя же позиция еще ближе: но проповедь Твоей позиции есть иногда для меня кощунство. Слова

о *Теургии* (и я когда-то писал о *Теургии*³) предполагают *теурга*: ну могу ли я верить, чтобы Ты, или я, или Мережковский, или кто бы то ни было из пишущих «о», был бы действительно *теургом*, когда еще и маги не являлись: еще нет магов: они будут (быть может, скоро); всю силу молитвы нужно обратить в дело, а не в слово, чтобы о теургии ничего не знали до решительного нападения на магов: мы живем в предбоевое время; наши маневры и манипуляции должны мы утаить и не проговариваться (у стен есть уши), а Ты кричишь вслух. Нет, не могу я Тебя тут поддерживать.

Не забудь, что хотя мне и 27 лет, но еще в 1899 году я тронулся от индивидуализма к соборности; и твое публичное успокоение меня («Успокойтесь») с оттенком иронии было направлено не против меня; я, правда, очень экспансивен, но *где нужно* стойкости и спокойствия у меня достаточно; и протестуя против Твоего доклада, я поступал вовсе не как опрометчивый мальчишка: *верь мне*.

Вот, Вячеслав, мое краткое резюме о том, что так трудно мне резюмировать в словах, но что считаю нужным Тебе сказать. Верь, что пишу это в форме вопроса. Так или не так? Если не так, обличи: буду слушать с величайшим вниманием. Ведь от любви к Тебе я пишу это письмо, снимаю всякие маски, смотрю на Тебя обнаженным взглядом: если что не так, наставь и прости. Ведь Ты так мне близок, а я так нуждаюсь в Тебе.

Господь с Тобой.

Жду ответа.

Остаюсь любящий Тебя искренне, но тревожно и недоверчиво.

Борис Бугаев.

Мой адрес: Москва. Арбат. Никольский пер., д. Новикова, кв. 7.

Впервые: Русская литература 2015. 2. С. 47–48. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада. Печатается по этому изданию.

¹ ВИ выступил с лекцией «Две стихии в современном символизме» 25 марта 1908 г. в Московском литературно-художественном кружке, а с лекцией «Символизм и религиозное творчество» — 30 марта на XVIII публичном заседании Религиозно-философского общества.

² Видимо, свидание состоялось в январе 1908 г. в Петербурге, куда Белый приехал читать лекции.

³ Одна из частей доклада ВИ в его печатном виде («Две стихии в современном символизме») называется «Миф, хор и теургия» (II, 561). Белый также посвятил этой теме статью «О теургии» (Новый путь. 1903. № 9. С. 100–123).

В. И. Иванов — Андрею Белому

9 апреля 1908, Петербург — Москва

Дорогой Борис Николаевич, отвечаю тебе добросовестно и прямо на твои вопросы, за прямоту которых я тебе благодарен. Скажи: неужели нельзя произнести то, что считаешь правдой, без того чтобы она не была понята как нападение на тех, для кого она может быть неприятна? Без того, чтобы ее провозглашение не было принято за средство для достижения каких-то личных целей? Ведь правдивость всегда ценна сама по себе, и только извращение нашей правды, ее приспособление к мотивам эгоистической воли, тенденциозное обращение с нею для посторонних целей, как и всякая двусмысленность в ее исповедании, предосудительны. Относительно меня ты не вправе предполагать ничего подобного. Прежде всего, ты имеешь перед собой одно звено из целой цепи моих выступлений, начавшихся с возникновения «Весов». Ведь, когда в статье «Поэт и Чернь» я сказал впервые о символе и мифе и об учителях-мифотворцах и о мифотворческой основе всенародного искусства¹, я сказал уже то, что развил теперь. Этого напоминания о логической, более того — органической связи всей моей «проповеди» о искусстве достаточно, чтобы оправдаться перед теми, кто начали подозревать ее бескорыстие со вчерашнего дня.

Если ты осуждаешь меня за мою лекцию, то принужден осудить всю мою теоретическую деятельность с 1903 года или интерпретировать всю ее как некий хитрый план для достижения каких-то посторонних целей. Но какие цели личные можно было бы подозревать, я просто не вижу. Ты предполагаешь, что это «выпад на Москву». Но разве я провозгласил, что Петербург спасется, а Москва погибнет? И кого бы должен я был иметь, хотя бы только мысленно, в виду как художников, которым обеспечено спасение или которые спасаются? Я дал свой критерий различения между продуктами художественной деятельности, имеющими значение для решения проблемы религиозной и не имеющими такого значения. Вот и все.

Если, применяя этот критерий, мы найдем, что данное произведение не может по своей природе притязать на роль фактора в процессе религиозного творчества.

Личный мой интерес здесь ни при чем. Я не веду никакой «политики» in republica litterarum. Я говорю от себя, а не от группы.

Я не знаю, кто будет со мной и кто против меня, — как не знал этого и в эпоху «Кормчих Звезд» и «Поэта и Черни». Если ты обвиняешь меня за «пророчествование», — я отклоняю это обвинение. Пророчествование не прекратилось и не прекратится. Нашу правду, наши прозрения мы должны отчасти исповедовать, отчасти умалчивать. Когда исповедовать и когда молчать, о чем говорить и о чем таить, — это мистик знает, и это предмет личной его ответственности. Самозванно он не должен провозглашать себя пророком, и Вл. Соловьев говорит, что враги, глумясь, назвали его пророком². Я не провозглашал себя <ни> пророком ни теургом; и если бы нечто пророчественное и теургическое было в моих словах, — знаю ли сам я, где и что, да и зачем мне знать? Оно не от меня, оно не мне принадлежит, оно — не личное. Не довлеет ли говорить свою правду, испытывать свою искренность, искать правды — и не искать определить себя или быть так или иначе определенным другими? Что же до умолчания о тайне, — верь мне, что больше молчу, нежели говорю. Но говорить также *должно*. И Христа исповедать должно. И христианином должно и быть, и именоваться. Различны в культе и в теориях истинные христиане, и все же все истинные, кто истинно знают и любят Христа. «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, но Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же» (I Коринф. 12). То, что ты говоришь о тайных своих переживаниях, есть дар «говорить языками». «Ты говоришь не людям, а Богу» (ib. 14, 2³). Но апостол больше желает, чтобы мы «пророчествовали» (ib. 14, 5) — и тем «назидали церковь»⁴. — Не знаю точно, о пришествии каких «магов» ты говоришь. Есть они, Борис, истинные Маги, и есть Теурги; но мир их не знает. Если же должно быть Откровение вскоре, как может прекратиться пророчествование?

Впервые: Русская литература. 2015. 2. С. 50–51. Публ. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада. Печатается по этому изданию. Комментарии Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада.

Об отношениях ВИ и Андрей Белого см. наст. изд., т. 1, по указателю.

¹ Ср. окончание статьи ВИ «Поэт и Чернь»: «Истинный символизм должен примирить Поэта и Чернь в большом, всенародном искусстве. Минует срок отъединения. Мы идем тропой символа к мифу. Большое искусство — искусство мифотворческое» (I, 714; впервые: Весы. 1904. № 3. С. 1–8).

² В стих-нии «Скромное пророчество» (1892) Вл. Соловьев писал: «Я в пророки возведен врагами, / На смех это дали мне прозвание, / Но про-

рок правдивый я пред вами, / И свершится скоро предсказанье» (*Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. статья, сост. и прим. З.Г. Минц. Л., 1974. С. 93*).

³ 1 Кор 14: 2.

⁴ 1 Кор 14: 5.

Н. С. Гумилев — В. И. Иванову

3 июня 1911, Слепнево — Петербург

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович, теперь уже вышел второй том «*Cor Ardens*’а», и я очень верю, что у Вас есть несколько свободных стихотворений, которые Вы могли бы дать для августовской книжки «Аполлона», как однажды обещали мне. Если да, я буду Вам очень благодарен, если пошлете их прямо Зноско-Боровскому, чтобы он сдал их в печать, потому что номер уже набирается. Кроме того у меня к Вам есть еще большая просьба: я написал здесь несколько стихотворений в новом для меня духе и совершенно не знаю, хороши они или плохи. Прочтите их¹ и если решите, что они паденье или нежелательный уклон моей поэзии, сообщите мне или Зноско-Боровскому², который мне напишет, и я дам в «Аполлон» другие стихи. Если понравятся, пошлите в «Аполлон» их вместе с Вашими. Этим Вы докажете, что Вы относитесь ко мне достаточно хорошо, чтобы быть строгим, и еще не отреклись от всегда сомневающегося, но всегда преданного Вам ученика

Н. Гумилева

Поклон всем на Башне. Аня³ наверно скоро вернется. В Царском мы будем в начале августа. Мой адрес: Станция Подобино, Московско-Виндаво Рыбинской ж. д., именье Слепнево 5, мне 6.

Впервые: *Гумилев Н.* Неизданное и несобранное. Сост., ред. и комм. М. Баскер и Ш. Греем. Париж, 1986. С. 124–125. Вошло в публ. Р.Д. Тименчика «Неизвестные письма Н.С. Гумилева» // *Известия ОЛЯ АН СССР. Серия литературы и языка.* Т. 46. № 1. 1987. С. 64. Печатается по этому изданию.

¹ Гумилев послал ВИ следующие стих-ния: «Неизвестность» («Замирает дыханье, и ярче становятся взоры...»), «В саду» («Целый вечер в саду

рокотал соловей...»), «Лиловый цветок» («Вечерние тихи заклатья...»), «Сон» («Утренняя болтовня...»).

² Е. А. Зноско-Боровский, секретарь редакции «Аполлона».

³ А. Ахматова в это время была в Париже.

В. И. Иванов — Н. С. Гумилеву

16 июня 1911, Петербург — Слепнево

Дорогой Николай Степанович,

Простите, что так замедлил с ответом. Не задержал ли Вас в чем-нибудь? Это меня беспокоит. Пишу перед поездом. Кстати летний адрес: почт<овая станция> Силомяги (Эстляндия), дер<евня> Канука, дача Михеля Орго.

Ваши стихи я не решился передать в «Аполлон» — принципиально. Если бы Вы просто поручили передать, сделал бы это неукоснительно; но так как Вы обусловили передачу моею оценкою, я не мог позволить себе такого вмешательства, — точнее, как ни благодарен Вам за доверие, все же отказываюсь от предоставляемого Вами полномочия применить к Вашим произведениям юрисдикцию и власть, Вам в редакционных делах принадлежащие. Что же касается моего мнения, то, во-первых, Вы хорошо знаете, что я горячо приветствую вообще разнообразие и «перестрой лиры», опыты в новом и неиспробованном роде; во-вторых, Ваши новые стихи я нахожу достаточно удавшимися.

«Уклона» нет, неожиданной новизны — также.

Много Анненского, но это вовсе не дурно. Восхищения не испытал; печатать советую, если Вы не ограничиваетесь стихотворениями безупречными и вполне оригинальными.

У меня стихов для печати, не имеющих войти в «Rosarium», нет. Поэтому молчу и в «Русской мысли». Благодарю Вас за Ваше милое, дружеское ко мне отношение. Сердечно Ваш

Вячеслав Иванов

Впервые (фрагмент): Известия ОЛЯ АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 46 № 1. 1987. С. 67 прим. 6. Публ. публ. Р. Д. Тименчика. Полный текст печатается по машинописи, РАИ. Оп. 3. П. 12. Об отношениях ВИ и Н. Гумилева см. наст. изд., т. 1, по указателю.

В. И. Иванов — М. О. Гершензону

20 декабря 1912, Рим — Москва

Дорогой Михаил Осипович, давно, давно собираюсь писать Вам, и все не удается. Трудно нам делать то, к чему нет у нас дарования. И что мои эпистолярные неисправности происходят от бездарности эпистолографа, можно видеть из того, что ведь думал же я о Вас, беседовал же мысленно с Вами, обращая к Вам еще в августе, помнится, — прилагаемое стихотвореньице, а вот чтобы письмо написать — это нет, это неосуществимо, — да ведь оно ж к тому и бесплодно по существу, при неумелости наметить что-либо подобное живой беседе... Как бы то ни было, ныне пишу, чтобы пожелать Вам и Марии Борисовне, поэтическому моему другу Сереже и его сестре — счастливых праздников и счастливого нового года. А также — чтобы сказать Вам, как я обрадован был превосходным портретом¹ и как за все, символически вложенное в его присылку, благодарим!

Не преувеличиваю, говоря, что этот знак дружбы был для меня глубокою радостью... О себе — что же? *Urbanus sum; satis est hoc dixisse*². Здесь, под сенью археолог<ического> института³, я обыкновенно делаюсь филологом... Дорогой Михаил Осипович, получили ли Вы большую тетрадь моих переводов из греческих лириков⁴, которую я имел смелость направить по Вашему адресу, в силу прецедента с первой тетрадкой?

Ужели эти переводы оказались столь же не нужны Издательству, сколь мне нужны оказались здесь *i quadrini*?⁵ Ибо денежные средства мне, в самом деле, столь нужны, что я уже собирался при Вашем любезном посредстве просить о заключении договора насчет Эсхила с построчным распределением материала, дабы иметь регулярный аванс⁶. Но, прежде всего, — что с лириками? «Агамемнон» же переводится; готова, по крайней мере, одна треть. Я углубляюсь в окончательную редакцию тома «Экскурсов» (монографических статей с филолог<ическим> аппаратом) к «Дионису»⁷ и рядом с этими филологическими историями идет Эсхил. Отечественная филология должна быть, поистине, довольна моею душеспасительною аскезой. Дружески жму Вашу руку.

СОВЕСТЬ

М. О. Гершензону

Когда отрадных с Вами встреч
В душе восстанавливаю повесть
И слышу, мнится, Вашу речь, —
Меня допрашивает Совесть.

«Ты за день сделал ли, что мог?
Был добр, и зряч? правдив, и целен?
А чист ли был, скажи, твой слог?
И просто, друг: ты был ли делен?»

То Совесть мне... А вот пример
И Ваших (мнимых) слов поэту:
«Признайтесь: Пушкин (— старовер! —)
Одобрил бы строку — хоть эту?»

Еще б! А, впрочем, помолчу!
Кто — геометр; кому — быть зодчим...
Но, не в пример зоилам прочим,
Все ж Вам понравиться — хочу!

ВИ⁸

Впервые: РИА VIII. С. 53–54. Публ. Е. В. Глухой и С. В. Федотовой.
Комментарии Е. В. Глухой и С. В. Федотовой.

Об отношениях ВИ и М. Гершензона см. работу Е. Глухой «Странное существо человек, загадочнее кошки» // РИА VIII. С. 27–46, а также наст. изд., т. 1, по указателю. Ниже комм. Е. В. Глухой и С. В. Федотовой.

¹ Вероятно, речь идет о детском рисунке. Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер) — жена Михаила Осиповича. Сергей — сын Гершензонов.

² «Я — житель Города (имеется в виду — Рим. — *Е. Г., С. Ф.*); этого достаточно» (*лат.*).

³ Имеется в виду Германский археологический институт, основанный в Риме в 1829 г. Частью Института является богатейшая библиотека по греческим и латинским древностям.

⁴ Имеются в виду переводы ВИ для готовящейся в издательстве М. и С. Сабашниковых антологии.

⁵ Правильно: *quattrini*, pl. от *quattrino*, мелкая монета достоинством в 4 сольдо.

⁶ Речь идет о планировавшемся, но несостоявшемся издании Эскила в переводе ВИ в «Памятниках мировой литературы» в издательстве М. и С. Сабашниковых. М. О. Гершензон выступал посредником между М. Сабашниковым и ВИ.

⁷ «Экскурсы» к «Дионису» см. в факсимильном воспроизведении корректуры книги «Эллинская религия страдающего бога» (1917). [Электронный ресурс.] URL: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/ivanov_ellinskaya_religiya_avtorskie_pravki.pdf. С. 230–240.

⁸ Стихотворение с небольшими пунктуационными различиями вошло в книгу «Нежная тайна» (III, 42–43).

В. И. Иванов — М. О. Гершензону

7 января 1913, Рим — Москва

Дорогой Михаил Осипович, покорно благодарю вас за хлопоты по нашим книжным делам и за присылку полученных только что расписок. Спасибо Вам от души за милое письмо. Простите мазню! Ваша похвала моих переводов мне очень дорога. Яда в «геометре», право же, нет¹. Разумел я приблизительно вот что. Игорь Грабарь² хорошо и подробно рассказывал мне, как он измерял здания Палладио³ и везде находил — часто изумительные — нарушения симметрии и геометрической правильности. Что, впрочем, вообще не новость: мне были хорошо известны недоумения археологов, в частых случаях необъяснимого подчас отступления античных зодчих от заповедей линейки, отвеса и циркуля. Цицерон, обвиняя Верреса⁴ во взяточничестве, ссылается на недобросовестное исполнение подряда одним архитектором: он де колонны поставил не перпендикулярно, а наклонно.

Цицерон здесь геометр; но колонны Парфенона оказываются наклоненными внутрь здания, — а все историки Верреса доселе убеждены Цицероном. Вопрос, как видите, принципиальный: мне кажется, что критика каноническая бывает порой геометрична; Вы же — критик по канону Пушкинскому *par excellence*. Что же до критики художников, она зачастую полна односторонности, сектантства или просто каприза. Не склонный предпочитать критику художников, я искренне сожалею, что Вы не пишете критик.

Кроме того, нельзя любить и чувствовать художника, не будучи художником *in potentia*. Я же более смиренный художник, чем Вы думаете, и охотно сказал бы так: критики — тень; будем же делать статуи так, чтобы тень, отбрасываемая ими, была стройна... Следовательно, чтобы критики (разумею доброкачественных) нас одобряли.

<...>

Впервые: РИА VIII. С. 57–58. Комментарии Е. В. Глуховой и С. В. Федотовой.

¹ Имеется в виду строка из стих-ния «Совесть», посланного Гершензону в письме от 20 декабря 1912 г.: «Кто — геометр, кому — быть зодчим».

² Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — русский художник, историк искусства.

³ Палладио Андреа (Palladio, Andrea) (1508–1580) — итальянский архитектор позднего Возрождения, оказавший серьезное влияние на развитие архитектуры Нового времени.

⁴ Гай Корнелий Веррес — пропретор в Сицилии в 73–71 гг. до н.э. Против его злоупотреблений Марк Туллий Цицерон выступил в своих «*Verrinae*» («Речи против Верреса») в 70 г. до н.э.

П. А. Флоренский — В. И. Иванову

1 апреля 1914 г., Сергиев Посад — Москва

+

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович!

Не надеясь, что буду иметь возможность после, спешу теперь же с приветствием Вас и сердечною благодарностию за присланную статью «О границах искусства». Статья Ваша доставила мне хороший часок и сама по себе, и как свидетельство, что Вы вспомнили обо мне, того не заслужившем. А ведь радоваться можно тому лишь, что *gratis datur*¹. Правда, о Вас часто вспо-

минаю в разных обстоятельствах своей жизни и никогда — «вообще»; однако...

Но вот какой ряд мыслей, давно бродивших во мне относительно Вас и около Вас, пошел при чтении Ваших «границ искусства»: «Кто такой Вяч. Иванов?» Писатель? — Нет, писатель — Мережковский, Брюсов и проч., а для В. И. писательство — лишь один из способов выражения себя. Поэт? — И поэт. Вот, Пушкин — поэт, а В. И. — иное. Ученый? — И ученый. Но в основе он что-то совсем иное. Если бы он был в древности — он был бы вроде Пифагора. Если бы он был шарлатаном — он сделался бы Штейнером². Если бы он был святым — он был бы старцем. Я не знаю, кто он. Но я определенно ощущаю, что ему надо бы жить, например, в замке, среди учеников и избранных друзей, и что публичные лекции и т. п. идут к нему столь же мало, как купальный чепец к Афродите.

Что же знает В. И.? Много; но все, что он воистину знает — это около *рождения*, на иных, впрочем планах, чем физический. И как досадно читать статьи вроде «О границах искусства», где глубокое знание творчества комкается. В. И. многократно подходит к одним и тем же вопросам в разных своих статьях и статейках и, как ленивый и лукавый раб³, ограничивается каждый раз заметками из записных книжек. «По звездам» — книга удельного веса 19½, по крайней мере в большей своей части. Но эти отдельные статьи дают право думать, что они возникли случайно и что автор писал их «между прочим».

Почему бы В. И. не написать книги о творчестве, — так сказать, феноменологии творчества? Это был бы памятник достойный его. Мне не думается, чтобы надо было привести эту книгу к внешнему единству, т. е. делать ее «диссертацией». Но она должна разобрать основные вопросы по заранее обдуманному плану. Кроме В. И., такой книги никто написать не может: это наиболее надежное доказательство, что написать ее он *должен*.

Простите, я расписался на темы, о которых не предполагал писать. Но если Вы будете иметь терпение дойти до ближайшего за сим, то мне хочется ответить Вам на одну фразу Вашу, которая показала мне, что Вы несколько узнали сущность священства, — следующее: Молитва мирянина в церкви представляется пассивною, но на самом деле это, в каком-то ином плане, явление мужественное, как и вообще женственность не во всех планах женственна. Молитва же священника представляется мужественною, и действительно она стоит в полной противоположности

с молитвою мирян. Там по преимуществу чувство, а тут — воля. Но, вот, за этой мужественностью скрывается женственность, как и вообще... Стоишь у престола. Нежнейшие и легкие, однако <?> очень определенные и в себе уверенные, прикосновения тонких перстов волнуют, как скульптора воск, весь организм, а преимущественно грудь священ<ника> во время богослужения. Это не снаружи, а где-то внутри, однако, не у сердца, а ближе к эфирному телу. <... >

Впервые: Иванов. Арх. мат-лы, 1999. С. 99–101. Публ. игумена Андроника (А. С. Трубачева). Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина. Печатается по этому изданию.

П. А. Флоренский (1882–1937, расстрелян) — мыслитель, писатель, ученый, поэт.

¹ Дано бескорыстно (лат.).

² Рудольф Штейнер (1861–1925) — основатель Антропософского общества.

³ Ср.: Мф 25: 14–31.

В. И. Иванов — П. А. Флоренскому

7 октября 1915 г., Москва – Сергиев Посад

Многолюбивый друг и достопочтенный Отец,
Павел Александрович!¹

Приношу Вам возобновленную двойную благодарность: за надписание моего имени над Вашею изящною и блистательною работой о «*восхищении*»², и за подтвержденное Вами согласие на мою просьбу о послесловии к «*Человеку*»³. Сладостны мне, лестны и любезны эти знаки связующей нас, как я уповаю, *филии*⁴. Порою смущает меня, правда, опасение, что ознакомившись ближе с моею мелопеей, Вы, быть может, уже не чувствуете себя расположенным к исполнению данного обещания: ведь оно может тяготить Вас, если Вы разочаровались в своих

ожиданиях от моего произведения. В этом случае (но, прибавлю, *только* в этом) я, получивший обещание, разрешаю от одного лицо обещавшее. Если же Ваша оценка не изменилась, то, напротив, любовно настаиваю на его исполнении. И даже, с великою назойливостью и домогательством, осмеливаюсь сказать: «bis dat qui cito dat»⁵. Ибо «Человек» мой набирается и даже почти уже весь набран, как мне сообщает Издательство, — чему сам я немало подивился. Не усматривайте в этом извещении намерения связать Вас определенным и кратким сроком, но, поскольку возможно, подумайте о «Человеке», которого Звезды, по-видимому, торопят нетерпеливо к скорейшему облечению в многострадальную плоть «*lepidi novi libelli*»⁶. Думаю, что труд, Вам предлежащий, есть исключительно труд оформления: ибо весь материал мысли и знания потребный для углубления намеченных тем, — в наличности и в избытке у творца творимой «Анфроподицеи»⁷.

Мне хотелось бы поделиться с автором некоторыми впечатлениями, вынесенными из чтения работы о ἀραγμός. Блистательно, но моему суждению, истолкование апостольского текста — и филологическое, и мистическое, и историческое. Развернулась яркая и многозначительная страница из живой летописи апостольских времен. Только обстоятельность изложения судеб термина в позднейшей мистической литературе кажется мне преувеличенной до неоправданности. Так, выписки из Нила Синайского (стр. 16 сл., № 6) и из Исаака Сирина (стр. 18 сл., № 9) ничего не доказывают (поскольку речь в этих местах идет об истолковании самих слов ап. Павла, составляющих и Вашу проблему) — относительно жизни речения в позднейшем мистическом словоупотреблении.

— Что же до исследования корней терминологии в язычестве, — оно восхитительно по широте кругозора и новизне точек зрения (напр., в символической эксегезе об Орифии в платоновском «Фэдре»), но страдает, по моему мнению, некоторыми увлечениями в духе Крейцера⁸ и отклонениями от нормы филологического трезвения. Решительно, Вам не удалось доказать, что Гарпии — божества экстаза. Они — божества восхищения от земли, после коего возврата на землю нет, — следовательно, божества смерти земной всячески, не только в представлении непосвященных. Очевидны допущенные Вами ради защиты своего положения натяжки. Πρόμοιρος ἀραγμῆ надгробия значит,

конечно, только: «преждевременная смерть». Вывод на стр. 30: «Гарпии живут там, где постоянное пребывание восхищения и иступления», — я бы заменил обратным «места восхищения суть места хтонических культов». Пропал человек бесследно и безвозвратно — его похитили жестокие Гарпии: отсюда в Одиссее ἀκλεῶς. Позднее у эсотериков и в круге их влияния, как уже, быть может, и издавна в лоне оргиастических культовых общин, — это, в применении к отдельным, отмеченным личностям, — толкуется как благодатное восхищение от земли в святые обители, как вид чудесного ἀφανισμός. По-видимому, ἀρπυγίος — всегда «восхищение с телом», восхищение полного человеческого состава и притом, во всех языческих testimonia⁹ — безвозвратное, — тогда как ἔκστασις, — временное выхождение из себя, отделение от тела. Вы же пытаетесь конструировать ἀρπυγίος, как вид экстаза, качественно специфический, но открытый человеку в его внутреннем опыте, — и, мне кажется, этой цели не достигаете. Неубедительно, что Вы приводите в истолковании мифа о Финее. Слова Сервия не совпадают по содержанию с древнеаркадским различием трех сфер и отнюдь не свидетельствуют о старине, — как и Эвмениды — лишь поздний (сравнительно) эвфемизм о Эринниях. Аполлинийского экстаза вовсе нет: все экстатическое в круге Аполлона заимствовано из круга Дионисова и перенесено на Аполлона (как мантика, пифийство, лавры и мн. другое). Фракийская родина Борея явное доказательство его чуждости Аполлону: Орфей знает лишь экстатического, двуликого Диониса-Арея и его женский коррелят Артемиду (как определенно заявляет Геродот и что находит себе многочисленные отдельные подтверждения). Этимология «Орифий» как «жертвующей на горе» — невозможна: здесь θύω (откуда θυιάς) явно имеет значение «восхищенно честной» <?> βακχεύειν, — буйно, бурно мчаться в обуюнии, как «Буя» — Фиада¹⁰. <Отмечу еще, что в тексте из Филона, приведенном на стр. 10, слова καθάτερ οἱ βακχεύόμενοι... — цитата из Платона, но не оговорено>.

Весьма утешило меня, дорогой Отец Павел Александрович, Ваше арифмософическое¹¹ раскрытие благоприятных знамений, почивших над моим и Володиным¹² московским местопребыванием. Обращаюсь в душе с благожелательным приветом к Вашей супруге и сыну¹³. Поручаю себя Вашей дружбе и Вашим молитвам и остаюсь глубоко уважающий и любящий Вас Ваш почитатель.

Впервые: Иванов. Арх. мат-лы, 1999. С. 107–113. Публ. игумена Андроника (А. С. Трубачева). Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина. Печатается по этому изданию.

¹ В письме к своей жене от 13 сентября 1915 г. ВИ сообщал: «Недавно он (Флоренский. — А. Ш.) был, просидел со мною ночь. Принес он свою новую брошюру, посвященную мне. Очень интересная филологическая о значении *ἀρταυός* как мистического экстаза. Он обещал мне написать комментарий к моему “Человеку” в форме письма ко мне — для печати» (РГБ. 109.10. 41 л. 23).

² Имеется в виду статья «“Не восхищение непщева” (Филип. 2, 6–8) (К суждению о мистике)», опубликованная в «Богословском вестнике», 1915 т. 2 № 7 и отдельным изд. Статья посвящена «Вячеславу Ивановичу Иванову с дружеским приветом».

³ Первые три части философской поэмы-мелопеи «Человек» были написаны в 1915 г. По слова О. Шор, основанным на одном из свидетельств самого автора поэмы, «издательство Сабашниковых сразу предложило трилогию напечатать. В. И. уже правил корректуры, когда однажды о. Павел Флоренский, услышав трилогию в чтении В. И., вдруг сказал: “Вещь прекрасная; но мало кто ее поймет. Хотите, я напишу примечания?”» (Ш, 737).

⁴ Флоренский в главе о философии дружбы различает четыре греческих термина для обозначения дружбы-любви; филия «есть склонность, соединенная с самим любимым *лицом* и вызванная близкою совместною жизнью и единством во многих вещах» (Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 399).

⁵ «Вдвое дает, кто быстро дает» (*лат.*).

⁶ «Нарядной новой книжки» (*лат.*). — Катулл.

⁷ После «опыта православной теодицеи» — книги «Столп...» Флоренский стал создавать антроподицею — цикл «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)» (см. 1 и 2 выпуск третьего тома *Сочинений* Флоренского (М., 1999. «Философское наследие», т. 128 и 129).

⁸ Главный труд Георга Фридриха Крейцера (Creuzer, 1771–1885) критиковался за перенесение в науку веяний немецкой романтики.

⁹ Свидетельствах (*лат.*).

¹⁰ Если в начале письма ВИ высоко оценивает толкование Флоренским мифа об Орифии, то здесь он не соглашается с центральным положением интерпретатора.

¹¹ Неологизм ВИ: «арифмос» по гречески — число; «софия» — мудрость. Можно предположить, что Флоренский истолковывал дату и место, где в Москве ВИ и В. Эрн снимали квартиру — Zubовский бульвар, 25 — исходя из символики чисел.

¹² Имеется в виду В. Эрн.

¹³ Имеется в виду Василий Флоренский (1911–1956) — старший сын о. Павла.

В. И. Иванов — П. А. Флоренскому

12 июля 1917, Москва

Посылаю Вам, дорогой друг, глубокочтимый Отец Павел, свою страничку в столь счастливо задуманный Вами первый сборник памяти нашего почившего Друга ¹.

Благодарю Вас вместе с тем за многосодержательные и утешные строки, а равно за присылку ценных для меня оттисков Ваших новых статей. Ваш намек на то, что на путях духа мы ныне скорее сближаемся, нежели расходимся, — как, признаюсь, мне порою казалось, — пробудил во мне прекрасные надежды. На призыв Ваш к общему деятельному усилию в целях некоей духовной миссии *inter paganos* ² — я, конечно, отвечаю: Аминь. Но как рисуется Вам ее житейская реализация, из имеющихся у меня неопределенных данных уразуметь не могу.

В Москве надеюсь быть в августе. Политическая часть Вашей парадоксальной статьи о Хомякове ставит меня прямо в тупик ³. Что именно имели Вы в виду, при Вашей дальновидности? Вероятно, Вы с свое время читали один мой фельетон о славянофилах; если так, Вы знаете, что я прямо противоположную оценку даю государственно-правовой теории Хомякова. Прибавлю, что вижу в ней пророчественное предостережение старой власти, провозглашение альтернативы: или трансцендентизм по отношению к народу и неминуемую гибель, или последовательно проведенный имманентизм, как воспитание к свободе. И вот, наша несчастная родина почти гибнет от того, что пророки втуне пророчествовали. Что же значит из *Ваших* уст столь несвоевременно, по всем человеческим видимостям, брошенный укор — тем, которые вовремя выступали с наставлением спасительным?..

Вы понимаете, что Вашу статью о Хомякове я прочел с жадностью, но уже без огорчения первоначального, а лишь с глубочайшим недоумением. Прибавлю, что выходка Бердяева привела меня, — при всем моем протесте против сказанного Вами, — в истинное негодование. С нетерпением жду свидания. *Tempora mutantur*: может быть, теперь Вы могли бы почувствовать себя расположенным написать комментарий к моему «Человеку».

Имею нескромность высказать, что я еще не вовсе расстался с этой мечтой. Без Вас не знаю, что мне делать с уснувшей царевной — моей бедной поэмой. С любовью к Вам и Вашим.

Впервые: Иванов. Арх. мат-лы, 1999. С. 114–118. Публ. игумена Андроника (А. С. Трубачева). Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина. Печатается по этому изданию.

¹ Речь идет о сборнике памяти Эрна, предполагавшемся к изданию (не осуществилось). ВИ посылает, видимо, сонет «Блаженный брат! Ты чистым оком зреть» (см. IV, 63).

² Среди язычников (*лат.*).

³ Имеется в виду статья «Около Хомякова».

Е. В. Аничков — В. И. Иванову

1924, Скопле — Рим

Сколько раз хотел Тебе написать, да долго было доставать Твой адрес. Даже не знал, как. Ужасно рад теперь. Ведь идейно Ты мне самый близкий, да и я, вероятно, особенно, если так ко мне относишься, мне «неизменному». А я до идиотства ни в чем не изменился. Обвиняют за это. Даже неприятности. Но не могу иначе.

Что делал с тех пор, как Ты обо мне слышал, страшно долго рассказывать: и французским офицером был, и работы искал, читал лекции в Париже, Брюсселе, Праге и Белграде, где состою профессором.

Напечатал несколько статей, когда-нибудь пришлю. Два раза теперь сказал о Тебе то, что обещал пятнадцать лет назад, т. е. представил Тебя следующим этапом русской цивилизации после Достоевского и Толстого. Один раз в статье о Достоевском (не очень-то ею доволен), а второй раз в книжке «Новая русская поэзия», Берлин (Ладыжников). Там о Тебе глава, названная «На высях»¹. Только это было в такое время, когда никаких русских книг раздобыть было совершенно невозможно. Даже глупо. Стояли все Твои книги на полке, а написать не удалось. Возможность явилась сказать, что я думаю о всех вас, в беженстве, без книг, по памяти, беря цитаты из того, что под рукой. Статья о Тебе появилась еще и по-сербски².

Еще раз ужасно хотелось написать Тебе по особому поводу.

Писал большой разбор книги по славянской мифологии в связи с появлением «Славянских древностей» Нидерле (по-чешски). Это для журнала «Slavia», в котором сотрудничаю. И вот если бы была у меня твоя азербайджанская книга «Дионис», очень было бы хорошо. Почему, объясню другой раз. Но если у Тебя есть эта книга и теперь могу это сделать.

А как все кругом нас мелко, низко и трагически глупо! Доживем ли, когда рассеется туман пошлости, и белой, и большевистской! И нет Блока! Брюсова, как человека, никогда не любил. В Бальмонте разочаровался. Куприн написал нежное письмо, но не мог решиться к нему пойти, боясь испортить впечатление и вместо этого написал статью о нем в виде предисловия к его Собранию сочинений.

Много написал, а складно ли, не знаю. Только от сердца.

Со мной только Таня³, которая напишет Лиде и ужасно обрадовалась твоему письму.

Теперь работаю над сумасшедшей книгой «Западные литературы и славянство». Первый очерк XI–XV вв. скоро выйдет (в «Пламени» в Праге), второй — от XVI до Петра оканчиваю печатанием. И опять со случайными книгами, то есть вроде как по памяти.

Если бы с Тобой можно было бы говорить и советоваться!

Пиши о себе *много*. Меня все интересует. Что теперь *думаешь*? Восхитительны Твои разговоры с этим ничтожеством Гершензоном. Если бы хоть в старости могли бы мы что-нибудь сделать вместе!!

Помню Блок мне сказал один раз, когда, на премьере «Балаганчика», я говорил ему, что об этом думаю: «Только Вы и я, Евг. Вас.». Почти это Тебе хочется сказать: только Ты и я.

А много Ты еще стихов сочинил?

У меня есть ученик по Белграду, поэт. Пошлю его к Тебе. Он на Тебе воспитан. Разреши, чтоб он Тебе писал; он в Дубровнике — учитель⁴.

Печатается впервые по автографу из РАИ. Оп. V. П. 8. Л. 11.

¹ См. эту статью в т. 1 наст. изд. С. 512–527. В следующем по хронологии письме от 20 декабря 1925 г. Аничков отмечал: «Я там о тебе пишу именно выделив Тебя из символизма. Что символизм? Слово, которое подошло, но всякая поэзия символична, а твоя вовсе не прежде сего это, а сама поэзия и сами твои мысли и образы. Очень было бы мне дорого, если бы Ты ободрил меня» (РАИ. Оп. V. П. 8). Ответные письма ВИ к Аничкову не выявлены.

² Эта статья не выявлена.

³ Татьяна Евгеньевна Аничкова (?–?) — художник и скульптор. О ней подробно пишет Л. В. в своих воспоминаниях (Иванова Л., 1990. С. 153–154).

⁴ Имеется в виду И. Н. Голенищев-Кутузов. См. о нем наст. изд., т. 1.

В. И. Иванов — М. О. Гершензону

31 дек. 1924, Рим — Москва

Дорогой Михаил Осипович, озирая умирающий год, хочу завершить его заочной беседой с Вами. Вы, должно быть, уже не раз вспоминали и укоряли меня, до сих пор безмолвствующего после живой до сих пор в душе моей радости дружеского общения с Вами летом. Я не однажды испытывал влечение писать Вам, но все не находил для этого... как бы мне выразить оттенок мысли? — достаточно статического мгновения. Казалось: вот, когда что-то замкнется, закруглится, выяснится, тогда напишу лучше, полнее, окончательнее. Суетное ожидание. Ничто в жизни не замыкается и не достигает ясности, поистине, все только течет. Напрасно откладывал я письмо, как откладываю столь многое и, быть может, лучшее в жизни... Но как живете вы, милые друзья мои? Каково здоровье? <...> Опять и опять убеждаю Вас ехать, хотя бы одному, за границу! Мне хотелось бы увидеть Вас здесь.

Мы провели в Берлине около двух недель. Потом видели (бегло!) двух красавиц — Венецию и Флоренцию, как будто еще похорошевших после разлуки, — и Дима имел от них (особенно от Венеции) очень сильные и верные впечатления. В Риме больше месяца душа все не могла уgomониться от того особенного счастливого волнения, в какое приводит ее именно Рим, — как ангел, сходящий и возмущающий купель. Даже рифмы проснулись, и я послал Горькому для «Беседы» девять сонетов под заглавием «Ave Roma», — начало большого, думается, цикла римских ‘офортов’. — В душе раздвоение: фон — римский, золотой, *melancholisch-heiter*¹, как эти кипарисы на синем небе, а на этом фоне художественной радости тени непосредственно, лично изживаемой жизни, с ее *Atra Cura*² за спиною всадника. Если бы не было, прежде всего, этой всяческой изнурительной заботы и думы и боязни о хлебе насущном... Но об этом распространяться не буду.

В маленьком дружном обществе нашем — из троих — оживление и веселье. Лидия имела самый решительный успех в своей академии Santa Cecilia у maestro Respighi (талантливый и живой композитор, ученик между прочим Римского-Корсакова, умеренный модернист и большой знаток). Она работает у него с увлечением, пишет квартеты и оркестровки, ходит по концертам и репетициям, играет на органе. Дима посещает Ecole-Lycée Chateaubriand'a, входящий во французскую сеть правительственных [школ] лицеев, затракает и готовит уроки также у французов, в Convito при школе, потом еще репетирует уроки вечером со мной. — Я... в результате нескольких докладных записок хороню надежды на какую-либо помощь из Москвы; очень слабо до сих пор работаю по Эсхилу, — между прочим у немцев, в Археологическом Институте, ныне только что восстановленном (во время войны немецкая библиотека хранилась в Castel Sant'Angelo), берусь за то, за другое, за третье...

Когда буду что-нибудь делать, напишу. Но потом, пока что, не богаты. Вижусь с Муратовым, с семьей Signorelli (род небольшого литер<атурного> итальянского салона у профессора медицины и его жены). — Мои неустанно бегают в свободные дни по Риму и окрестностям. Диме Рим очень нравится, он живо всем интересуется и все воспринимает, — например, любит разбирать со мною надписи...

Дорогой друг, не печатает ли Сабашников «Орестею»? Если да, не нужны ли другие переводы трагедий? — Перельману³ писал я о своей готовности выслать ему Данте, если он готов оплачивать высланное, — но он молчит. Нет ли, одним словом, литературной работы?

Лекции здесь безденежны (если не носят прямо благотворительный характер). Безденежно можно читать, пожалуй, и в университете, на положении libero docente. К профессуре доступ иностранцам закрыт.

Довольно на первый раз. Писать буду, непременно. Пишите, пожалуйста! Лидия и Дима желают вам всем счастливого нового года! Итак, счастливого года — и свидания в Риме.

Впервые: РИА VIII. С. 86–87. Публ. и комм. Е. В. Глухой и С. В. Федотовой.

¹ Меланхолически-радостный (*нем.*).

² Черная забота (*лат.*), цитата из Горация.

³ Имеется в виду А. Ф. Перельман, директор издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, издававшего «Библиотеку великих писателей», для которой ВИ намеревался подготовить Данте.

В. И. Иванов — Ф. А. Степуну

22 марта 1925, Рим — Дрезден

Дорогой Федор Августович,

как Вы обрадовали меня своим откликом! Я уже думал, что над перепиской нашей тяготеет некий рок, что письмо мое к Вам не дошло, как не дошло Ваше первое письмо ко мне. Думал я также, что безмолвие Ваше объясняется... эпистолярною формой Вашего романа¹, которая, по законам психологии, могла вызвать, при обострении того патологического процесса, который мы называем творчеством, эпистолярную афасию. Гипотеза, как все позитивистические гипотезы, оказалась ложной — и слава Богу!.. Вы уже усмотрели из сказанного, что с Переслегиным я знаком. Но, увы, еще слишком поверхностно, дорогой друг, а я хочу с ним сдружиться, как с Вами, а он сложен и глубок, как Вы сам, и по двум всего книжкам «Современных записок», мною читанным, его не постигнешь и не оценишь, даже не угадаешь, — ведь вот *Вас* сколько времени я разгадываю, а каждая новая Ваша строка дает мне для уразумения смыслов Ваших (ибо Вы многосмысленный) все новое и значительное. Короче говоря, я очень прошу Вас прислать оттиски, как романа, так и «Мыслей о России», потому что из «Современных записок» видел я всего две предпоследние книжки, да и то случайно. Заканчиваете Вы свою книгу, по-видимому, в чудесной местности (Alpes-Maritimes!) и в спокойствии: пусть будет гостеприимная вилла для Вас Алкиноевым садом творчества, где завязи новых плодов образуются в то время, как зрелые падают с ветвей.

Я же подобен бесплодной смоковнице² и не знаю, зачем еще торчу под солнцем, к тому же римским. Вы называете это эвфемистически «стоянием в нише»... Или Ваша (не позитивистическая) гипотеза правильна: земля чрезмерно быстро завертелась вокруг солнца, а мы остались те же и проживем за сто двадцать лет? Тогда можно ошибаться в расчете сроков плодоношения.

Кажется, «что дух праздности и уныния», составляющий ныне мой тяжкий грех, есть симптом переживаемого мною эротического кризиса³. Не смейтесь: с Вами говорит постоянный в своей долгой как жизнь страсти любовник гуманизма. И вот, этой страсти, почти тождественной с жизнью, я, кажется, уже не нахожу в себе — под

небом Рима! Другая страсть, другой Эрос ее вытесняет из души — медленно, но верно.

На другой день после *dies irae*⁴ революции ощущаешь себя «ушибленным копытом Демона», как говорит Эсхил⁵. Не закрепленным более родной почве, существенно расширившимся до сознания сына земли. Пробужденным семью громами. Отрекающимся (ср. «*die Entsagenden*» Гете⁶). По туловище погруженным во всемирный и все растущий поток греха. Уцелевшим на малом островке среди «взрыва всех смыслов». Скучающим при пении всех культурных Сирен. Сбитым со всех средних позиций. Поставленным пред последним выбором: за Бога и Христа Его или против.

Ergo?...⁷ «*Ergo*» — простейшая логическая операция — самая трудная операция для натур не-героических, к коим я, по непроверяемым основаниям, причисляю себя... и потому, между прочим, я с такою недоверчивою улыбкой слушаю Вас говорящим о демократии, терпимости, гуманизме, философии, культуре и других обоего пола родственных и свойственных моей душе в привычном нам семейном круге «ценностей» вчерашнего эклектизма, — с «недоверчивою» улыбкой, сказал я, потому что знаю в Вас мистика, и знаю, что своеобразный склад Вашей мистики делает Вас самым добросовестным (до героизма) и самым ироническим (до нигилизма) слугою жизни... Что же до России (Вы ведь хотели бы «послушать», что я о ней думаю), — думаю я, что и от нее должно отречься, если она окончательно самоопределится (это шире и дальше, чем большевизм и его политика) как авангард Азии, идущей разрушить Запад, — причем Германия, *nota bene*⁸, может оказаться ее ревностной союзницей, и пресловутый «*mariage mystique*»⁹, помните! «*Mystische Ehe des deutschen Geistes und der russischen Seele?*»¹⁰, получившим благословение в буддийской церкви...

Видите, как велико мое желание говорить с Вами, если я решил на риск быть непонятым (риск, впрочем, минимальный, если пишешь *Вам*), хотя бы стилем аллюзий, в пределах крошечного письмаца, *tanta canere, tanta vaticinari*¹¹?

Нисходя в житейское, — мечтаю, как и Вы, о *Lehrauftrag* (*incarico*)¹², на эмиграцию же отнюдь не ориентируюсь, почему желал бы устроить перевод своей монографии «Дионис и прадионисийство»; преподавать мог бы и греческую религию (и поэзию), и русскую новую литературу (с поэтикой). Рад каждому своему переводу, и за «Достоевского» *глубоко* Вам благодарен¹³. То, что

издатель прислал мне сто марок, считаю большою дружеской услугой Вашей и Шора.

В России жить не хочется, потому что я рожден ἐλεύθερος¹⁴, и молчание там оставляет привкус рабства (а в Баку у нас очень хорошо, и мне еще присылают основное профессорское жалованье, хотя вернуться в университет я не обещал), особенно же важно то, что воспитывать там Диму для меня нравственная невозможность. Хотел бы издать много разных вещей (в стихах и прозе), но в издательстве аполитическом или анонимном, в силу данного в Москве при отпуске в командировку обещания, что не нарушу аполитизма и косвенно. Публ[ичные] лекции здесь, к сожалению, не читаются или не оплачиваются. А я мог бы читать по-итальянски, по-франц[узски] и по-немецки. Присылать ли для перевода «О религии Дост[оевского]»? Сердечный привет Нине Николаевне¹⁵ и Вашей маме, которую я встречал в Москве на последних докладах своих. Лидия горячо присоединяется к приветам.

Любящий Вас Вяч[еслав] Ив[анов]

Впервые: Символ. 2008. С. 409–411. Публ. А. Б. Шишкина. Печатается с сокращениями по этому изданию.

¹ Имеется в виду философский роман «Николай Переслегин».

² Ср.: Лук 13: 6–9.

³ Термин «эротический кризис» употреблен В. С. Соловьевым по отношению к платоновой философии эроса в статье «Жизненная драма Платона».

⁴ День гнева (*лат.*); слова из средневекового гимна о страшном суде.

⁵ ВИ имеет в виду стих 1660 «Агамемнона» Эсхила, который в его поэтическом переводе звучит: «Ах, раздвоенным копытом тяжко демон нас ушиб».

⁶ Аллюзия на роман Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821).

⁷ Следовательно (*лат.*).

⁸ Заметь себе (*лат.*).

⁹ Мистический брак (*фр.*). Источник цитаты не установлен.

¹⁰ Мистический брак немецкого духа и русской души (*нем.*).

¹¹ Столь много воспевать, о стольком пророчествовать (*лат.*).

¹² Место штатного профессора в университете (*нем., итал.*).

¹³ Идея издавать работы ВИ о Достоевском на немецком языке принадлежала Степуну. Переводчик книги, русский эмигрант Александр Карлович Креслинг, был другом Степуна и Е. Д. Шора.

¹⁴ Свободным (*греч.*).

¹⁵ Описка; жену Степуна звали Наталья.

В. И. Иванов — З. Н. Райх

23 августа 1926, Рим — Москва

<...> Слышу, что Госиздат издает классиков поэзии в переводах. Хорошо было бы, если б он заинтересовался не только Микель Анджело, но и *Дантом* в моем переводе. Не понимаю, почему не хотят использовать меня как переводчика-поэта в очень близкой моим интересам, знанию и умению сфере?.. Нет, дорогая, я отношусь к Вам с неизменной душевной симпатией, как и к дорогому Всеволоду Эмильевичу, которого обнимаю, но — обнимаю — тут же и попрекну его, как он заслужил, ибо на него я, пожалуй что, и дуюсь. Во-первых, если какой-либо автор посвящает одну из своих важнейших статей приятелю, то сей последний или отвергает посвящение, или благодарит за него; Всеволод же просто от него отмахнулся (как если бы на его много-озабоченный и не тем вовсе занятый лоб села муха) — и отмахнулся (переврав в печати посвящение, ибо в нем сказано на память о... приятни Автор, а не Автора, что нежелательно изменяет самый смысл его — ведь я разумел «приятнь» взаимную, а не свою неразделенную¹) — отмахнулся, говорю я, нелепейшим извинением перед читателями² за мою будто бы «мистическую» статью о каком-то «мистическом хоре», коим наградил меня везде наборщик и корректор, ибо у меня в рукописи везде четко написано: «мимический хор», как того и смысл требует. Из чего следует, что вникнуть в статью Всеволод Эмильевич не удосужился и ее или не читал, или так читал, что думал свое: «ну да, дескать, Вячеслав Иванов мистик, он всегда говорит о своем коньке, о каком-то мистическом хоре». Так же и на теорию «героя», как зачинательной личности в коллективе-«хоре», редакция не соблаговолила бросить менее рассеянный взгляд, ибо иначе не печатала бы везде «значительная личность» (курам на смех!) вместо «зачинательная», т. е. инициативная. Если уж статья о «Ревизоре» вам не ко двору пришлась, какой уж там Микель Анджело? Просто Вы очень добрая и умная и хотели для меня всего хорошего, за что я Вам и благодарен сердечно. Но что значит запрос о «Цыганах»? Получил ли я какие-нибудь указания, материал и т. п.? Не я замолчал о всем, о чем было говорено, а Вы

со Всеволодом. Я в Риме один. Семья отдыхает в Олевано, близ Рима, в горах. Лидия кончила курс блестяще, первую из четырех выпущенных молодых композиторов, и имела большой успех с оркестровым исполнением ее симфонической поэмы «Облако». Пишу, едва пробежав Ваше только что полученное письмо. Листок для Ольги Ивановны ей передам: она на Капри. <...>

Несколько экземпляров «Октября» мне нужны, п. ч. статья будет переводиться на немецкий язык. Нельзя ли где-нибудь оговорить опечатки, изменяющие смысл статьи? Если да, я напишу подробно, на каких страницах и строчках они встречаются. Командировка моя еще продолжена. Собирался было в Баку, но там не только что от моих предметов оставили сущую малость, но и весь университет «тюркизируют». «Молодой России», как Вы говорите, я совсем не нужен.

Впервые: НЛО. 1994. № 10. С. 274–275. Публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати. Печатается с сокращениями по этому изданию. Комментарии Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати.

¹ В первой публикации статья ВИ «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана» (Театральный Октябрь. Сб. 1. Л.; М., 1926) имела посвящение: «Всеволоду Мейерхольду на память о двадцатилетней дружбе автора».

² Редакция «Театрального Октября» поместила перед текстом ВИ следующее заявление: «Редакция, не соглашаясь с автором по целому ряду вопросов (особенно с абстрактно-мистической трактовкой понятия хора и возникновения трагедии), тем не менее дает место его статье ввиду крайне интересных замечаний ее конкретной части и ее ценности в дискуссионном отношении».

В. И. Иванов — Д. В. и Л. В. Ивановым

17–18 декабря 1926. Павия — Рим

<...> Вчера неугомонный Рибольди ¹ устроил политическую дискуссию о фашизме после английского урока от 11 до 1 часа ночи и в заключение пристал ко мне: отчего я молчу? Я говорю, что иностранцу не приличествует вмешиваться в обсуждение

вопросов национального строительства. Но он настаивал, и тогда я заявил, что правильным считаю поставление во главу угла вопросов реальной политики, экономических и социальных; что абстрактного либерализма и демократизма не одобряю, идеям французской революции не друг и не раз предостерегал здесь товарищей-студентов от отвлеченного республиканизма (все это было фашисту-священнику сладостно выслушать), — вопроса о национализме касаться не буду за его невыясненностью и просто не знаю, имеет ли он еще будущее в мире или нет, в виде наличности в мире сильных противоположных движений (интернационализма), представленных, с одной стороны, коммунизмом, с другой, Церковью (и это все было приемлемо!); но, чтобы не быть неправильно понятым в своем протесте против французского демократического лозунга (*liberté — égalité — fraternité, droits de l'homme* ² и пр.), считаю долгом заявить, что свободу личности признаю высшею религиозно-моральною ценностью и не одобряю точку зрения крайних государственников (каковы фашисты), по которой личность только средство для достижения государственных целей; не одобряю забвения, что государство должно быть христианским, а не языческим; Церковь поставляю выше государства, христианина выше гражданина, и одобряю государство лишь в той мере, в какой оно благословляется Церковью. Здесь произошел горячий спор с антиклерикалом в рясе, который воскликнул, что это есть подчинение государства Церкви, что так пишут в «*Osservatore Romano*» ³; я же заметил, что русские слишком хорошо знают, что значит обратное — порабощение Церкви Государством... И так, в горячем споре, при нейтралитете студентов (кроме одного розминианца, мне сочувствующего), мы разошлись спать. <...>

Впервые: Символ, 2008. С. 504–505. Печатается с сокращениями по этому изданию.

¹ Л. Рибольди (Riboldi, 1880–1966) — священник, ректор Колледжио Борромео в 1920–1927 гг.

² «Свобода — равенство — братство, права человека» (*фр.*).

³ «*Osservatore Romano*» — официальная газета Ватикана.

В. И. Иванов — Д. В. и Л. В. Ивановым

26 декабря 1926. Павия — Рим

<...> Нравятся мне, далее, до чрезвычайности Ваши, быстроумная Дочь моя, рассуждения, и, согласно Вашему желанию, чтобы на «доморощенные» (я бы сказал: самопрозревательные) соображения Ваши был дан ответ, отвечаю от скудости чужезумия (книгоумия) моего нижеследующее.

Факт международной общности сказочных сюжетов и мотивов (ученые различают эти два вида), правильно тебя поразивший, объясняется в науке теорией «бродячего сюжета», отцом коей считается англичанин Benfey; наш великолепный Александр Веселовский¹ ее видоизменил и развил. <...> По этой теории, колыбелью всех сказочных (и романтических) бродячих сюжетов является Индия. Оттуда они распространяются, частью на Восток, в Китай, из Китая в Сибирь и поворачивают на Запад, через Россию, в западную Европу; частью, через Персию, на Запад, в Малую Азию (родину древнегреческой сказки и древнегреческого романа, «Милетские сказки») и в *Византию*, откуда в средние века кочуют на Запад. Западные идут на Восток, восточные на Запад. Для отдельных сюжетов можно проследить их итинерарий. Конечно, эти бродячие сюжеты заключают в себе элементы древнейшего религиозного мифа, но весьма затемненные. Религиозного значения эти рассказы уже давно не имеют (как и в «Одиссее» Гомера мы имеем уже только сказку, лишенную своего первоначального религиозного смысла), — что не мешает им, однако, при случае проникнуть в какую-нибудь религиозную легенду, *miraculum* или житие святого. — Гораздо более древний пласт фольклора представляют собою собственно религиозные мифы, которые сквозят у нас, например, в былинах о Святогоре или о том, как богатыри перевелись на Руси. Часть этих мифов тоже кочует и переходит от народа к народу (напр., о дереве и змее, о плавающем ковчеге — или бочке — с матерью и младенцем, божьим сыном); другие же, поразительно схожие или почти тождественные, не могут быть объяснены заимствованием и кажутся самопроизвольно возникшими у самых отдаленных один от другого народов в силу

общих типических законов первобытного мифологического мышления (напр., происхождение мира из частей расчлененного божества мужского или женского пола, или космической конской жертвы, по представлению индусов). Свести этот древнейший пласт религиозных представлений и связанных с ними обрядов к единству до сих пор не удалось, и утверждать единство первоначальной религии (как и первоначального языка) — дело рискованное. Тем не менее было распространено в начале XIX в. мнение (Kreuzer)², что религии возникли из некоей единой. И что эта первобытная единая религия была верою в единого Бога (монотеизм), до сих пор утверждают (хотя и без достаточных доказательств) клерикальные историки религий. Здесь трезвый исследователь ставит вопросительный знак (*ignotamus*), или даже говорит: нет. Для христианского миропонимания все это не имеет основного значения, потому что относится к формам божественного откровения в Ветхом Завете Бога с человеком: христианство полагает во главу угла *историческое* событие, совершившееся всего только 19 веков тому назад: рождение и жизнь Иисуса Христа на земле и Его воскресение. Поэтому, если бы и была доказана единая общая для всех людей первоначальная религия, это не изменило бы ни иоты в христианском понимании исторического процесса. <...>

В пятницу — *vigilia di Natale*³ — я пошел утром в маленькие бедные комнатки отца Майокки исповедоваться; его домик во дворе старой-старой лонгобардской церкви S. Michele, против романской абсиды, — очень живописно и романтично. Он спросил, хочу ли я идти в церковь («не будет ли там холодно?»), или у него. Я предпочел у него дома, потому что в комнате лучше слышно друг друга. Но и у него, бедного, холодно. Хороший отец Майокки, очень хороший! Подарил мне молитвенник. Очень правильно присоединился я к католической церкви. Никакой духоты нет, — ни эллина, ни иудея, — в национальной церкви как-то человека в религиозном смысле не чувствуешь, нет простора, в котором говорят друг с другом Бог и Человек. И какие молитвы у них, в обиходном молитвеннике: о евреях, о мусульманах, о язычниках. Впрочем, все это отвечает *моей, личной* потребности и *моему* периоду душевной и духовной жизни и было бы, может быть, совсем не то для другого характера или другого периода жизни.

<...> В праздник я наедине и плакал, и смеялся. Плакал, перечитывая несколько Вериных писем из Голубого; там же

и письмо Димы к Царю-Барану⁴. Прочел и несколько Лидиных римских писем 1895 года. Смехался, читая «Пулю Времени». Кроме того, прочел за эти дни дивный детективный роман «A voice from the dark»⁵. Но, увы, больше нет для меня веселого чтения. Не только детективного, но и никакого английского, ниже французского романа. <...>

NB. Насчет «исконно или самобытно русского» твой скептицизм, Лиденя, вполне разделяю. Как артишок, или капуста кочан, — никакого само-артишока или само-капусты в сердцевинке не найдешь ни у кого. Все общее. Но по-разному, в русском стиле выявляет себя личность равно индивидуума или нации, говоря и делая общее всем. Нужно быть самим собой и делать общее — личность тут и скажется. Данте итальянец потому, как он свое дело делает или, вернее, как оно у него выходит (а не потому, что много занимается Флоренцией). Шекспир потому же англичанин, а Достоевский — русский. И русская революция очень (хоть отбавляй) русская (ох, горюшко наше! удавленная наша!), хоть и евреи ей помогали и хоть она по Марксу была делана. Кто теряет душу свою в *общем* деле (забывает о своей личности), тот и находит ее; а кто бережет, потеряет. Пушкинские сказки подлинно русские, потому что писал их *Пушкин*, — потому, как они рассказаны, а не потому, что их содержание исконно русское.

Впервые: Символ, 2008. С. 506–509. Печатается с сокращениями по этому изданию.

¹ Бенфей Теодор (Benfey Theodor, 1809–1881) — востоковед и санскритолог, основоположник «сравнительного изучения литератур», автор теории заимствований, миграции мотивов и сюжетов. Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) — филолог, историк и теоретик литературы.

² Крейцер Георг Фридрих (Creuzer, 1771–1858) — немецкий филолог, профессор Гейдельбергского университета; см. его труд: *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen: In Vorträgen und Entwürfen; Beschluss / von Friedrich Creuzer*. Leipzig; Darmstadt: Heyer & Leske, 1811–1812. Bd. 2–3.

³ Сочельник (*ит.*).

⁴ «Царь-Баран» — домашнее прозвище ВИ.

⁵ «The Voice from the Dark» (1925) — книга английского писателя-фантаста Идена Филлпотса (Phillpotts E., 1862–1960).

В. И. Иванов — М. Буберу

20 февраля 1927, Павия — Геппенгейм

Многоуважаемый господин доктор!

Позвольте мне высказать Вам мою глубочайшую благодарность за первые два тома Вашего перевода Библии. Я не могу выразить, насколько мил и дорог мне этот драгоценный дар, и какую поэтическую радость я испытываю, читая и перечитывая Ваш выдающийся труд. У меня такое ощущение, будто я знакомлюсь со священной древней Книгой впервые. Какое чудо сотворили Вы со своим родным языком, чтобы так уподобить его оригиналу?! Я не знаю древнееврейского языка, но у меня есть некая интуиция касательно его внутренней структуры, его душевного строя, его ритма: теперь, читая Ваш шедевр, я словно духом переносюсь в этот дивный новый мир, дышу его свежим воздухом. И как все это прозрачно! Без какого бы то ни было напряжения критической мысли, без каких-либо усилий, благодаря одним лишь тонким стилистическим и ритмическим переходам, полностью проясняется взаимосвязь всех его разнообразных составных частей: тут — седая летопись, тут — древнее законоуложение, тут — героическое сказание, здесь — замкнутая в себе идиллическая поэзия, тут — песнь... И то, что нам кажется выраженным странно и темно, является в тем более значительном, осмысленном и тем самым в определенном смысле более понятном облике, нежели в рационализирующем и упрощающем пересказе.

Одним словом, я восхищен, хотя еще не в состоянии проанализировать мои впечатления более точно. Для меня было бы огромной радостью познакомиться с Вами лично, и я заранее сердечно благодарен Вам за Ваше, столь любезное, намерение посетить меня в Павии. Ректор колледжо, любезный и тонкообразованный падре Рибольди, приглашает Вас с супругой. Мы обедаем в половине первого и ужинаем после семи. В пять подается чай. Если Вы приедете из Милана утром, то в нашем распоряжении будет целый день; сообщите мне, пожалуйста, о времени Вашего прибытия заранее. Очень Вам благодарен также за пересылку номеров Вашего журнала. Я думаю переработать для «Kreatur» одно из своих эссе по эстетике, а именно — «О границах искусства». Соответствующий том моих работ я недавно выслал профессору

Бубнову, чтобы он и, через его посредничество, редакция получили о нем представление. Речь в эссе идет о проблеме поэтической интуиции и процессе поэтического творчества. Я вспомнил об этих своих размышлениях и наблюдениях в связи с недавно изданными книгами Бремона о сущности поэзии и ее связи с мистикой: этот вопрос сейчас усиленно обсуждается во Франции.

Впервые: *Wachtel M. V. Ivanov: Dichtung und Briefwechsel aus dem Deutschsprachigen Nachlass*. Mainz 1995, S. 36–37; на русском языке в переводе М. Каменкович: Символ, 2008. С. 324–325. Печатается с сокращениями по этому изданию.

В. И. Иванов — Д. В. и Л. В. Ивановым

26 марта 1927. Павия — Рим

<...> Четверг (третьего дня) был установленным днем визита ко мне доктора Мартина Бубера с женой. Напомню, что он редактор журнала «Die Kreatur» (где напечатана «Переписка» и где я и еще, вероятно, буду сотрудничать), переводчик Библии на немецкий язык (я писал об этом новом изумительном переводе, который мне высылается, — уже имею 4 тома) и профессор по истории религии во Франкфурте на Майне. Рибольди послал меня в автомобиле встречать их на станции Certosa, потом мы осматривали монастырь и церкви в Павии (куда автомобиль нас ждал), потом Рибольди угощал гостей тонким завтраком, потом сидели в салоне и беседовали, потом супруги еще раз заходили со мной в церковь S. Michele (XI век), в которую влюбились, потом был в Collegio подан чай, наконец Рибольди увез чету в 5 часов в экипаже на вокзал. В 8 ч. они уже должны были выехать из Милана в Бриндизи, чтобы поспеть к пароходу в Египет; из Каиро они направятся по железной дороге (о существовании которой я не знал) в Иерусалим. Подеста звал гостей в университет, где ждал их, но времени для этого визита не нашлось. Рибольди, Бэонио и Маркаццан¹ с жадностью напали на представителей интеллектуальной Германии, чтобы разузнать,

что там нового в мире идей. Бубер оставляет сильное впечатление: это еврейский праведник с глазами, глубоко входящими в душу, — «истинный израильтянин, в котором нет лукавства», как сказал Иисус Христос про Нафанаила². Понимает он все душевно и умственно с двух слов. Он полон одной идеи, которая и составляет содержание умственного движения, им возглавляемого; эта идея — вера в живого Бога, Творца, и взгляд на мир и человека, как на творение Божие. На этом, прежде всего, должны объединиться, не делая в остальном никаких уступок друг другу, существующие в Европе исповедания. Человек много возмечтал о себе и забыл свое лучшее достоинство — быть творением Божиим по Его образу и подобию. Не нужно говорить о Божестве, как предмете веры, это разделяет и надмевает; нужно Европе оздоровиться сердечною верою в Создателя и сознанием своей тварности. Эти стародавние истины звучат в современности ново и свежо. Сила их провозглашения лежит, конечно, в личностях ими по-новому вдохновленных. Вся философия и наука делается учением о тварности. Пафос движения — пафос дистанции между Богом и человеком. Большая любовь, особенно любовь к религиозности, как таковой, — к верности своему исповеданию и благочестию. Очень замечательна жена Бубера, католичка по рождению, а по убеждению — как она говорит — «то же, что ее муж». Говорит мало, но необыкновенно умно и содержательно, лучше, чем он сам. У них в Гешпенгейме, между Гейдельбергом и Дармштадтом, дом и сад. Раз в неделю он ездит на лекции в Франкфурт. Она все знает, что и муж, и ухаживает за садом: она называла, по форме листьев, все цветы, еще не распустившиеся, нашего сада. Его сотрудник по переводу Библии Розенцвейг, который, вследствие какой-то формы склероза, не может ни писать, ни двигать предметов, ни говорить. Он только показывает буквы на пишущей машинке, и его жена угадывает слова и записывает. И в таком виде он работает неустанно и очень производительно. Интересные и чистые люди! <...> «Модернизм» Рибольди Бубер сильно не одобрил. <...>

Впервые: Символ, 2008. С. 543–544. Печатается с сокращениями по этому изданию.

¹ В. Беонио (1902–1979) и М. Маркаццан (1902–1967) — профессора Павийского университета

² Ин 1: 47.

В. И. Иванов — Е. Д. Шору

26 октября 1927 г., Рим — Церинген

Дорогой Евсей Давидович,

Все замечания Ваши приняты в соображение, все почему-либо не удовлетворившие Вас места исправлены. «Усовершенствовать плоды любимых дум» я вообще склонен, даже до чрезмерности, — а Вы еще жара поддаете. В заключение, Вы получаете не прежнюю рукопись с поправками, а новую — и намного более обширную — редакцию опыта о «Русской идее»¹. Надеюсь: последнюю? Или Ваши новые подкопы произведут дальнейшие взрывы? Думаю, однако, что Ваши возражения сами по себе отпадут после того, как более широкое и внятное развитие формально смутивших Вас заявлений обнаружит неповинность моей основной мысли во внутренних противоречиях, уточнив пределы и область применения каждого из моих утверждений и раздвинув в новых и быть может неожиданных направлениях прежнюю тесноту слов.

О Вашей «Vorrede», написанной от лица Издательства и, следовательно, меня вообще не затрагивающей (даже если бы она содержала взгляды, моим прямо противоположные), скажу, в порядке интимного общения, следующее: в той, чрезвычайно — если не чрезмерно — лестной для меня части, где речь идет обо мне, Вы судья, а я — подсудимый, и мне приличествует молчание; первая же часть, общая, представляется мне очень богатой в смысле проблематики (я приветствую в ней концентрацию внимания на азиатской опасности), но с моей концепцией европейской культуры и ее истории она не вполне консонирует (хотя, повторяю, консонировать ей вовсе не необходимо). Для Вас Россия — «внеевропейская страна», Европа, — она же и культура, — создание германских племен по преимуществу. Россия — «провинция» этой европейской культуры, как и Азия; революция грозит опасностью насаждениям этой культуры в России и т. д.

Для меня культура — грекоримское растение. Оно дает два ростка: Европейский Восток и Европейский Запад. Исконная (народная) русская культура — подлинная, античная, византийская культура, хотя в состоянии относительной стагнации. Западно-европейская культура едина и жива во всех племенах, некогда

романизированных. Германские племена, никогда не романизированные, приобщены к истории не менее издавна, хотя доселе ей антитетичны в ее пределах. Русское назначение не охранять «насаждения» (кстати, Россия сама европеизировалась, когда захотела, никто ее не «европеизировал», как Индию или Китай), но *упразднить* критический *modus* современной европейской культуры, заменить его *органическим*, что ей одной возможно, ибо она одна сохранила залежи стародавней органической культуры. Кстати, большевики также хотят органической культуры, и только в этом смысле неверны современной европейской культуре. <...>

Впервые: Cahiers du Monde russe. XXXV / 1–2. P. 337–338. Публ. Д. Сегала. Печатается с сокращениями по изд.: Символ, 2008. С. 343–344. Здесь и далее примеч. к переписке ВИ и Е. Шора принадлежат Д. Сегалу и Н. Рудник-Сегал.

Евсей Давидович Шор (Ives Eusebius Schor, Joshua Schor, 1891–1974) — музыкант, философ, историк религии и культуры, авторизованный переводчик (на немецкий язык) произведений ВИ, Н. А. Бердяева, Л. И. Шестова, И. А. Ильина. Шор закончил Московский университет (1916), в 1910–1913 гг. изучал теорию и историю искусств в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах, автор работ по теории и истории архитектуры, а также по теории изобразительного искусства и музыки. В 1914–1919 гг. — ученый секретарь московской «Бетховенской студии». С 1920 по 1929 г. — член ГАХН, зам. В. В. Кандинского. В 1922 г. уезжает по командировке ГАХНа в Германию и Италию в качестве заведующего бюро иностранной литературы. По совету Степуна Шор поступает в докторантуру Фрейбургского университета, где работает под руководством И. Кона над диссертацией о философии Г. Зиммеля. Автор книги «Deutschland auf dem Wege nach Damaskus» (Luzern: Vita nova, 1934). В связи с приходом к власти национал-социалистов Шор в 1934 г. вынужден бежать в Италию, а затем — в Палестину, где с 1927 г. жил его отец. Здесь Шор продолжил свою активную общественную, преподавательскую и переводческую деятельность, в том числе как один из основателей консерватории в Холоне и председатель союза музыкантов Израиля.

¹ Мысль о переводе «Русской идеи» на немецкий язык возникла еще в 1925 г. Первая редакция перевода с предисловием ВИ и предисловием переводчика (Е. Д. Шора) относится к 1927 г., о чем свидетельствует полная переписка ВИ и Шора этого времени. Именно первая редакция перевода является темой данного письма ВИ. Окончательный перевод «Русской идеи» на немецкий язык, сделанный Е. Д. Шором, вышел в 1930 г. с предисловием Шора, но без предисловия ВИ. Вопрос о предисловии

ВИ обсуждается в переписке, и в результате принимается совместное с Шором решение не публиковать предисловия ВИ в связи с возможными последующими санкциями со стороны советской власти, в частности, с опасностью потери зарплаты от РАХН и пенсии ЦЕКУБУ. Шор, желая защитить ВИ, берет на себя весь момент политической ответственности, столь же актуальный и для него как для работника РАХН, каковым он является вплоть до 1929 г. В выходных данных изд. 1930 г. Шор фигурирует и как автор предисловия, и как переводчик. Предисловие Шора тщательно и многократно обсуждается с ВИ, который посылает Шору все необходимые сведения биографического характера и редактирует все места, связанные с его идейной и художественной позицией.

В. И. Иванов — Е. Д. Шору

13 января 1930, Павия — Фрейбург — Церинген

Дорогой Евсей Давидович,

Счастливого и богатого радостями жизни и творчества желаю Вам с женой нового года. Глубоко трогают меня постоянно-новые доказательства Вашей верной и доверительной дружбы. Благодарю Вас от души и за хлопоты с Зибекком, и за все доброе, что Вы говорите обо мне в предисловии переводчика к «Р<усской> Идее». Ваш план издания моих Aufsätze¹ — грандиозен, я думал, что Вы хотите ограничиться несколькими избранными. Быть может — и даже наверное — далеко не все заслуживает перевода; зато кое-что хотелось бы прибавить к статьям двух первых томов моих essays, — например, «Gogol und Aristophanes», — этюд, очень понравившийся в Цюрихе², — «die Klüfte — über die Krisis des Humanismus», и статьи о Скрябине (первая и самая большая из коих еще у меня в корректуре, и никогда не была издана³, и книжку о символическом искусстве вообще). — Но о плане предполагаемого издания напишу потом и обстоятельно <...> Ибо все затруднения и задержки проистекают от моего несогласия (порой очень существенного) с прежней редакцией, с которой был сделан перевод. Это обстоятельство объясняет и задержку статьи «Ницше и Дионис»: перевод Ваш меня совершенно удовлетворяет, но статья, очень давняя, одна из первых, напечатанных мною в «Весах», является много (устранимых, впрочем) недостатков: местами невыносима

сентиментальная риторика, местами изложение основной, правильной мысли неточно, сбивчиво, расплывчато. Так же трудности встретил я и в «Ты еси» и даже во II-ой части Достоевского (особенно в характеристике Кириллова), и даже в строгом этюде «Границы искусства», где, теперь, нужно выкинуть все, относящееся к современным автору русским символистам; ибо эти «актуальности» нарушают теоретический стиль изложения. Думаю, что 3-ья часть Достоевского не представляет трудностей этого рода. Итак, еще раз: все мои перемены, за редкими или несущественными исключениями относятся не к переводам, а к оригиналам. Прибавлю два слова о предисловии переводчика⁴. Помимо двух-трех чисто фактических поправок я не считаю себя в праве навязывать Вам какие-либо изменения, но так как Вы желаете знать мое мнение о нем, скажу, что в целом, на мой взгляд, оно написано с литературным тактом, в некоторых же частностях вызывает возражения. Вы пишете: «die russ.<ischen> Symbolisten dagegen gehören zum Jahrhundert, in welchem die russ. <ische> Dichtung überhaupt erst entstanden ist»⁵. Русская поэзия «возникла» в XIX веке — в том смысле, в каком о немецкой можно сказать, что она возникла в XVIII в., — разумея в обоих случаях полный расцвет, «золотую эпоху»: Гете в Германии, Пушкин у нас. Но если под символистами Вы разумеете по преимуществу нашу группу (Блок, Белый, я), а не тех поэтов *fin de siècle*, которые следовали французским символистам и декадентам, другими словами, группу «второго призыва», а не «первого» — Бальмонт, Брюсов, Мережковский и др., из коих собственно символистами могли бы быть названы разве Мережковский и Сологуб, то едва ли точно отнесение этой нашей группы к XIX в. Ведь даже я, старший, издал свою первую книгу только в 1903 году. Значит, вместо «gehören zum Jahrhundert» было бы правильнее сказать: «sind in dem Jahrhundert geboren»⁶; и вместо «in welchem die russische Dichtung überhaupt erst entstanden ist» — например, так: «in welchem die russische Dichtung mit Pushkin ihren Höhepunkt erreicht hat»⁷. Далее следует непонятная мне фраза: «die westeuropäische Tradition, die sie in der Kunst und in dem geistigen Leben vorfanden, bedeutete für sie ein fremdes Gut» usw⁸. В русской литературе символисты не могли найти ein fremdes Gut, потому что она была глубоко самобытна и самостоятельна; как это давно признано повсюду, хотя, быть может, в каких-нибудь допотопных немецких Handbuch'ax⁹ и энциклопедиях еще и ныне можно вычитать, например, что Пушкин был русским перепе-

вом Байрона. Если символисты (но кто же именно?) обратились к народной стихии мифа и верований, то сделали они это вовсе не для того, чтобы какой-то *fremdes Gut zu überwinden*¹⁰, а потому что эту дорогу указал искусству уже Пушкин, Достоевский же — философской и религиозной мысли¹¹.

Наконец, о Христе Блока¹². Я утверждаю *Auferstehung nach dem Tode*¹³ (подчеркивание ВИ. — *Н.С.-Р.*), Блок в «Двенадцати» утверждает Христа в революции (подчеркивание ВИ. — *Н.С.-Р.*). (Правда, этот проблематический Христос «в белом венчике из роз» несколько не похож на Христа христиан). Столь резкое отрицание противопоставляю я символике Блока, которая представляется мне и ложною, и кощунственной. Между тем, говоря о духовной, эзотерической спаянности нашей новой группы символистов (что совершенно справедливо, несмотря на все бывшие внутри ее конфликты и противоположности), и иллюстрируя положения моей статьи о смерти и воскресении символом Блока, Вы невольно вызываете в читателе представление о нашем единодушии и в оценке наступившей революции. Это очень важно и ответственно; но именно с наступлением революции мы уже были друг другу духовно чужды, — прежняя община поэтов, узнававших друг друга, как Вы метко говорите, по некоей «ауре», — больше не существовала...¹⁴

<...>

<...> 3) После «*Sie warteten auf Tod und Auferstehung*» я бы остановился и дальнейшее <...> о Блоке непременно вычеркнуть. Не забывайте, что «Двенадцать» суть «двенадцать» апостолов, идущих за «Христом»: это апостолы Лжехриста расстреливают «святую Русь». Блок утверждал, что большевизм и есть явление Христа... И мне несказанно тяжело видеть свои идеи приводимыми в связь с революционными чаяниями Блока. <...>

Впервые: *Сегал-Рудник Н.* К вопросу о немецкой рецепции образа Вячеслава Иванова // *Modernité russes 14. L'émigration russe et l'héritage classique.* Centre d'études Slaves André Lirondelle. Université Jean Moulin Lyon 3. Lyon, 2014.

¹ Aufsätze — сочинения, эссе, статьи (*нем.*). Имеется в виду составленный Е. Д. Шором совместно с ВИ план издания немецкого перевода ряда его работ.

² По-видимому, речь идет об одобрении статьи в журнала «Corona», см. последующую публикацию статьи в переводе Бенно Лессена на немецкий

язык: «Gogol und Aristophanes». «Corona», Heft 5, München — Zürich, 1933, pp. 611–622.

³ Имеются в виду статьи «Кручи — о кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности», «Взгляд Скрябина на искусство» и «Скрябин и дух революции».

⁴ Имеется в виду та же машинопись немецкого предисловия («Vorrede») Е. Д. Шора к готовящемуся изданию «Русской идеи».

⁵ «...Русские символисты, напротив, принадлежали к тому столетию, когда русская поэзия возникла как таковая» (нем.).

⁶ «Родились в том веке...» (нем.).

⁷ «В котором русская поэзия с явлением Пушкина достигла своей кульминации» (нем.).

⁸ «Западноевропейская традиция, которую она (русская символистская поэзия. — *Н.С.Р.*) находила в искусстве и в духовной жизни, означала для нее некое чужое добро, наследие» и т. д. (нем.).

⁹ Руководство, справочник (нем.).

¹⁰ Преодолеть чужое наследие (нем.).

¹¹ За этим пассажем ВИ очевидна интенция самобытности русского религиозного символизма и его независимости от европейского символизма. Шор в машинописи предисловия указывает на существующую между ними разницу и пишет о появлении европейского символизма в связи с реакцией на натуралистическое обеднение и позитивистское обмеление духовной жизни. Символизм понимается им как возможность углубления и усиления художественного переживания, утонченности и совершенствования чувственного созерцания. Новое направление связано, с его точки зрения, прежде всего с реформой поэтического языка, важной для всех изводов европейского символизма. Европейский и особенно французский символизм — наследник многовековой культурной традиции, ее последний пышный цветок, возникли как реакция на наступающее варварства, которая нашла выражение в бегстве в спасительную эксклюзивность и гордое одиночество. Русский символизм, напротив, как представляется Шору, не испытал на себе влияния европейского *fin de siècle*. Однако ВИ стремится к максимальной точности указания на родословную русского символизма и его самобытность. Только русский религиозный символизм в лице Белого, Блока и его самого является подлинным. Все их предшественники, за исключением Мережковского и Сологуба, объявляются так или иначе эпигонами французской поэзии эпохи модерна, а подлинные символисты — это прямые потомки развития самой русской литературы, наследники ее золотого века. Наряду с характерным для русской литературы начала века акцентированием принадлежности к пушкинской линии развития русской литературы, ВИ заостряет в немецком переводе «Русской идеи» момент уникальности собственных взглядов и творчества.

¹² В машинописи предисловия Шора следовала фраза, которая потребовала дальнейшего столь категорического заявления ВИ. Имея в виду ВИ,

Андрея Белого и Блока, Шор пишет: «Они ожидали смерти и воскресения... — и не случайно, верим мы, было пророческое видение Александру Блоку, которое внезапно явилось в снежных вихрях разразившейся революции нежный образ Христа (“Двенадцать”»)» (оригинал по-немецки).

¹³ Воскресение после смерти (*нем.*).

¹⁴ Позиция ВИ в 1930 г. не предполагала компромиссов и поблажек. Отсюда ясность ее выражения и резкость, по отношению к бывшим товарищам. Она позволяет внести соответствующие коррективы, например, в существующие по сей день представления о возникающей с годами «мягкости» ВИ по отношению к Блоку, см., например, статью Л. Д. Зубарева «“Мы по-своему каждый свое ясновидели...”». К истории “примирения” А. Блока и Вяч. Иванова» (Русская литература. № 1. 2011. С. 171–182).

Э. Р. Курциус — В. И. Иванову

26 февраля 1932, Бонн — Павия

Глубокоуважаемый господин Иванов!

С большим опозданием, борясь с переутомлением и болезнью, я собрался благодарить Вас за изобильные дары. То, что я писал Дю Босу, было лишь чтением по слогам начинающего.

С тех пор мне кажется, что понял Вас несколько лучше. Книга «Угроза немецкому духу»¹ теперь, наверное, в Ваших руках — она свидетель тому. Диалог Ваш с Гершензоном стал для меня чем-то большим, нежели точкой кристаллизации моих мыслей, — он вошел у меня в самую субстанцию моих глубочайших верований. Он стал для меня словом разрешающим и отпирающим — я ждал его, не ведая о том. (Вашей книги «Кручи»² мой книгопродавец, к сожалению, не сумел раздобыть). Я обязан Вам в подлинном смысле *посвящением*. Мало людей, кому можно сказать такие слова. Я буду счастлив, если моя книжечка поможет передать Вашу глубокую мудрость другим.

Вашего «Достоевского»³ я получил с великой радостью. Эта книга будет сопровождать меня на каникулах.

За это время я прочитал «Русскую идею»⁴. Это сочинение задело и всколыхнуло во мне столь многое, что сегодня я еще едва ли могу говорить об этом. Конечно, и раньше я находил у Мережковского много интересного о Тютчеве, Чаадаеве и других. Однако Вы ведете

глубже. Мне придется потратить немалое время на то, чтобы проникнуть в русскую литературу. Но разве Россия эта сейчас жива где-либо, помимо рассеянных по свету эмигрантских кружков? Мирский недавно объявил о своем обращении в большевизм⁵. Как относитесь Вы к Бердяеву? К Булгакову? Откуда взяты слова: «*Vis ejus integra si versa fuerit in terram?*»⁶ Тысяча вопросов встает во мне. Надеюсь, что мне снова можно будет написать Вам.

В благодарном восхищении

Ваш Э. Р. Курциус.

Впервые: *Wachtel M. V. Ivanov: Dichtung und Briefwechsel aus dem Deutschsprachigen Nachlass*. Mainz, 1995. S. 54–55; на русском языке в переводе Ал. В. Михайлова / Вахтель М. Переписка Вяч. Иванова с Э. Р. Курциусом // Текст и традиция. Альманах. 4. СПб., 2016. С. 389. Печатается по этому изданию. Комментарии М. Вахтеля.

Эрнст Роберт Курциус (1886–1956) — крупнейший немецкий филолог-романист. Автор кн. «Европейская литература и латинское Средневековье», признанной в настоящее время классической как по методу, так и по охвату литературной культуры. По словам публикатора полного эпистолярии ВИ и Курциуса, эта переписка — «памятник европейской культуры XX века, попытка двух гениальных умов найти друг в друге опору в эпоху культурного распада» (*Вахтель М. Переписка Вяч. Иванова с Э. Р. Курциусом*. С. 388).

¹ Имеется в виду кн. *E. R. Curtius. Deutscher Geist in Gefahr*. Stuttgart, 1980.

² Имеется в виду отдельное издание: *Klüfte: Über die Krisis des Humanismus. Zur Morphologie der zeitgenössischen Kultur und der Psychologie der Gegenwart / Vjatscheslav Iwanov; Aus dem Russischen übersetzt von Wolfgang E. Groeger*. Berlin, [1922].

³ Немецкое изд. кн. ВИ «Достоевский, миф — трагедия — мистика».

⁴ Немецкое изд. статьи ВИ *Die russische Idee / Übersetzt und mit einer Einleitung versehen von J. Schor*. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930.

⁵ В 1931 г. кн. Д. П. Святополк-Мирский вступил в компартию Великобритании, а в конце сентября 1932 г. уехал в СССР. Курциус мог знать статью кн. Святополк-Мирского “*Why I Became a Marxist*” (*Daily Worker* n. 462. 30 June 1931 (1890–1939)).

⁶ «Целою сохранится сила его, если обратится в землю» (*лат.*) — так переводил эти слова ВИ в 7-й главе своей статьи «О русской идее», где цитирует эти слова. Данная цитата взята из сочинений Гермеса Трисмегиста «*Tabula smaragdina*» (Изумрудная таблица).

В. И. Иванов — Э. Р. Курциусу

27/28 февраля 1932, Павия — Бонн

Глубокоуважаемый господин профессор,

Позвольте глубоко поблагодарить Вас за прекрасный ответный дар — Вашу великодушную, мусически вдохновенную, мудрую книгу... или же мой «Достоевский» (с сопроводительным письмом) и Ваша «Угроза немецкому духу» в дороге пересеклись?.. Совершенно неожиданно для себя — как это поразительно! — я, не спеша наслаждаясь раздумчивым и по преимуществу восхищенно все одобряющим чтением, обнаружил такую заключительную главу, которая с самого начала обещала aureus gamus¹, высокозначительный и проницательный анализ моих рискованных размышлений об инициации и инициативе как внутренних движущих сил культуры. Я с энтузиазмом прочитал эти страницы — обетование исполнилось с преизбытком; primo avolso non deficit alter aureus; et simili frondescit virga metallo...² Как прекрасно, как прозорливо истинно Ваше замечание: «Вероятно, надо быть русским христианином, стало быть наследником Византии, чтобы... внести в гуманизм идею античных мистерий, посвящений». А как радует меня Ваше согласие относительно необходимости трансцендентного обоснования культуры!

Ваше широкое постижение гуманизма снимает узы и служит мне порядочным утешением: я думал уже, что придется пожертвовать им во имя христианства, мистики вообще (в том числе и орфической!), — если только определять его по-школьному. Так я писал в своей давно распроданной и позабытой книжечке «Кручи, о кризисе гуманизма» (Берлин, 1921): «Гуманизм всецело основан на изживании индивидуации, отъединенности и отрешенности людей, на их взаимной потусторонности и непроницаемости друг для друга, на автаркии гармонического человека. Эта внутренняя форма сознания пережила сама себя. ...Героический гуманизм умер. Словно в сказаниях Гомера мы боремся за тело героя, уже бездыханное, с тем, чтобы одичавшие орды бесноватых не отняли его у нас, не осквернили его, с тем чтобы на нашу долю выпало умастить и оплакать, и предать его земле, слава его на грядущих тризнах.

Впрочем, я говорю лишь о том гуманизме, что смертен, не о душе эллинства, душе бессмертной. И не напрасно еще столь недавно являлась она нам в сновидении избавленной от своей формы — достойной, но преходящей и брэнной: в облике Диониса являлась она вдохновенному Ницше, этому последнему трагическому гуманисту, укротившему в себе гуманизм хитроумным безумием и самоубийственным экстазом, словно Аякс, что в безумии поднимает руку на себя; Ницше с презрением отвергал человеческую норму — человеческое, слишком человеческое — и провозглашал сверхчеловека. Ибо Дионис противоборствует гуманизму и натравливает на него своих менад, словно на Пенфея»³.

1 марта.

До этого места я дописал вчера, когда пришло Ваше милое письмо, и радости моей не было конца. Я счастлив узнать, что в моих словах Вы расслышали нечто родственное Вам по самой сути, а потому и желанное. Обладая даром прозрения, Вы говорите уже и о моих «Кручах», об этом маленьком эссе, где мысль выражается еще не вполне уверенно, — его я только что цитировал. Мне, быть может, удастся доставить его Вам. Посылаю Вам также вышедшую в прошлом году статью об историософии Вергилия⁴.

Откуда взяты слова: «*vis eius integra si versa fuerit in terram*», я и сам не знаю; так озаглавлено стихотворение Владимира Соловьева, о влиянии которого на мое духовное становление, о истинно посвящающем в таинства, я говорю в письме Дю Босу. Чтобы ответить на Ваши дальнейшие вопросы, скажу, что хотя Булгаков и Бердяев являются самыми дорогими моими друзьями, я все же отрицательно отношусь к их идеологиям. Булгаков ценил во мне «благочестивого язычника», «елевсинца», но считал меня «посредственным христианином»: теперь же он весьма разгневан моим отпадением от восточной схизмы, однако утешает себя тем, что я вовсе не призван судить о делах христианских⁵. Головоломный гностицизм Бердяева, его сверхправославие, опирающееся главным образом на Якова Беме и желающее быть чем-то подобным «*Evangelium Aeternum*»⁶ третьего царства, равно как его взгляды на русский народный дух, Достоевского и т. д., обладают свойством раздражать меня — сколь бы ни ценил я его духовное благородство. Обращение князя Святополка Мирского в большевизм — последовательно: как самосознание атеиста и к тому же одного из главных герольдов новоиспечен-

ной «евразийской» доктрины, которая в полнейшем согласии с основной тенденцией большевиков стремится породнить Россию с монголами и китайцами, чтобы раз и навсегда вырвать ее из христианского мира. Понимание России как части азиатского мира — ложно до основания. Влияние монголов на Россию в Средние века было не глубже, чем влияние арабов на Испанию. Но Россия — это до самых глубоких слоев языка и мыслительных форм Византия; а Византия с самого начала (благодаря эллинизму) была евразийской в хорошем смысле — и все более становилась таковой в дальнейшем своем развитии, что уже ложится весьма неблагоприятным бременем на наше историческое наследие. Европейская же культура, которую я имею смелость именовать христианским миром, — это еще с доэллинистических времен Восток и Запад. И Россия непременно останется именно *европейским* Востоком; ибо оба начала оплодотворяют друг друга и должны составлять органическое единство. Протестантизм — это внутренняя диалектическая антитеза на Западе, а разноликость Востока и Запада в более широкой сфере всей совокупной европейской культуры — она и есть для меня христианский мир — не должна перерождаться в принципиальный раскол. Все творческие силы в России придерживаются такого рода здоровой — гуманистической и христианской — позиции, утверждая присутствие Востока.

Впервые: *Wachtel M. V. Ivanov: Dichtung und Briefwechsel aus dem Deutschsprachigen Nachlass*. Mainz, 1995. S. 56–60; на русском языке в переводе Ал. В. Михайлова: *Вахтель М.* Переписка Вяч. Иванова с Э. Р. Курциусом // Текст и традиция. С. 390–392. Печатается по этому изданию. Комментарии М. Вахтеля.

¹ «Золотая ветвь» (*лат.*) («Энеида» Вергилия, VI, 187–188) — слова из эпитафии к последней главе книги Курциуса.

² «Если сломана ветвь, сразу другая вырастает, золотая, как первая, и новый побег цветет из того же металла» (*лат.*) («Энеида» VI, 143–144).

³ Ср. первоначальный русский текст: «Гуманизм всецело основан на изживании индивидуации, отдельности и обособленности людей, их взаимной зарубечности, потусторонности и непроницаемости, — “автаркий” гармонического человека. Эта внутренняя форма сознания изжила себя самое. <...> Героический гуманизм умер. Мы ведем бой, как в былях Гомера, за тело героя, уже бездыханного, чтобы не отняли его

у нас и не предали поруганию одичалые полчища бесноватых, чтобы нам досталось умастить его, и оплакать, и похоронить, и великолепно восславить на грядущих тризнах...»

Впрочем, я говорю только о гуманизме, который смертен, а не о душе эллинства, она же бессмертна. И недаром еще так недавно она явилась нам в сновидении отделенною от своей благолепной, но тленной формы: Дионисом приснилась она вдохновенному Ницше, этому последнему и трагическому гуманисту, преодолевшему в себе гуманизм хитрым безумием и самоубийственным иступлением, как налагает на себя руки обуянный Аянт, — отвергшему и презревшему человеческую норму, как «человеческое, слишком человеческое», и возвестившему «Сверхчеловека». Ибо противится гуманизму Дионис и направляет на него своих мэнад, как на Пентея (III, 377).

⁴ Имеется в виду статья «Vergiles Historiosophie» (Corona, 1931, VI Heft. S. 761–774).

⁵ Этот отзыв С. Булгакова в письменном виде неизвестен. Ср. также Л. Иванова 1990. С. 207–208.

⁶ «Вечное Евангелие» (*лат.*).

Е. Д. Шор — В. И. Иванову

18 марта 1932 г., Берлин — Павия

<...> Два года тому назад, принимаясь за предисловие к «Русской Идее», я попытался связать отдельные перспективы Вашего мышления, объединить рассыпанные в Ваших статьях узрения так, чтобы из этой реконструкции вырос бы лежащий в основе Вашего узрения мира и несущий Ваше творчество пра-миф. О своих сомнениях в том, следует, да и возможно ли это сделать, я писал в последнем письме к Олечке. Сегодня я решаюсь послать Вам эту мозаику, которая вся целиком составлена из Ваших слов настолько, что я даже перестал кавычки ставить, так как пришлось бы все страницы поставить в кавычки. В центре моей реконструкции стоит собранный со страниц Ваших книг тройной аспект Вечной Женственности, он же — тройной аспект божественной драмы. Много смыслов таит в себе этот тройной аспект. Здесь и откровение о Правде как соответствии аспектов Вечной Женственности к Мужественности. И об Истине как полноте всех аспектов и их

всеединстве. Здесь и история религиозного сознания человечества как путь прохождения через аспекты — стадии. Но главное, что заставляет меня согласиться и признать вставший передо мною тройной аспект Вечной Женственности ключом Вашего мирозерцания, — это его глубокая связь с Вашим путем внутри Церкви. Два года тому назад я готов был думать, что вхождением в католическую церковь Вы отвернулись от рождавшегося в Вас в эпоху «Символизма» мифа. Теперь же я вижу, что миф, таившийся в основе Вашего творчества, сам привел Вас в Католическую Церковь: потому что всякое подлинное новотворчество в христианском сознании есть подготовка новой встречи с Христом. Из всего, что я сейчас о Вас знаю и слышу, предполагаю и догадываюсь, я чувствую, что Вы находитесь в расцвете Вашего творчества, что все прошлое было лишь подготовкой к творимому Вами и творящемуся в Вас и через Вас теперь; что все разрозненное и разноречивое вдруг стало согласным и стройным, и все противоборствующие силы сложились в стройные и могучие хоры. По всему этому я решаю, что Ваше вхождение в Католическую Церковь и было формой осуществления Вашей Встречи; что свершился окончательно — хоть и дальше каждодневно должен совершаться — акт отречения от своей воли; и что в центре Вашего духовного мира встал окончательно образ Христа.

Простите, дорогой Вячеслав Иванович, за это вторжение в Ваш внутренний мир. Но мне давно хотелось сообщить Вам то, что доносится моему внутреннему слуху о Вас, и проверить себя: верно ли слышу? К тому же, прежде чем писать о Вашем целостном пути и образе — для этого у меня нет достаточно материалов — я хочу еще раз и по-новому пережить встречу с Вами эпохи «По звездам» и «Борозд и межей». Пусть эта эпоха окажется канунной для Вашего нынешнего дня. Но в этой канунности есть особое очарование и своя целостность и неповторимость, с которыми мне так трудно расстаться. Есть в ней и последовательный путь, приведший Вас к Вашему расцвету. Но есть в ней и много иных возможностей, и свобода соблазнов и измен, залог верности, но, может быть, «близость заблуждений». В ней есть открытость «предвестий и предчувствий», чаяний и надежд — иная, чем многосказанность Ваших новых достижений. Всему она отвечает и всякой мысли служит путеводной тайнописью. И не налагает еще легкое иго строгих запретов на того, кто приближается к ней, проникает в нее и пьет ее мед. <...>

Приложение

Е. Д. Шор

В. И. Иванов. Опыт реконструкции мировоззрения

<Текст с правкой и репликами ВИ.

Жирным курсивом обозначены вставки, сделанные ВИ>

Пра-интуиция Иванова есть узрение «сверхчувственной реальности» в ее «нисхождении» в *Творимое: первая желает без всякого насилия поднять последнее к себе, то есть к истинному Бытию*. Вся жизнь и творчество этого поэта и мыслителя — попытка претворить пережитое в слова-символы и мифы и перевести узренное в сферу «низшей реальности» путем мистической интерпретации открывшегося смысла. [Однако Пра-интуиция по своей сущности непередаваема и неопишуема; она остается, по словам Пушкина, как «виденье, непостижное уму», пребывает в ясновидящей душе и познается — как явление внешней красоты у Гомера — по своим действиям и отражениям, воплощаясь в символах и мифах. — *Зачеркнуто Ивановым.*]

С тоекратно приумноженным богатством возвращается Иванов из глубин своего Пра-переживания: 1. со знанием о мире как *о космической драме, разыгрываемой между Богом и человеком*; 2. со знанием об истине и норме человеческого творения; и 3. со знанием внутренней структуры пути искусства.

Это тройственное дарование — сила мистического прозрения, дар художественной формы и философская смелость бескомпромиссного самоанализа — позволило ему (*мы начинаем с его художественного самоопределения*) описать такие сферы и определить такие стадии, через которые должен пройти дух художника в своем творческом величии. «Создание художественного произведения есть нисхождение художника из сфер, в которые дух его вознесся»¹. Восхождение — это обретение Пра-интуиции, соприкосновение со сферами «высшей реальности», это духовное зачатие, благодаря которому человеческая душа рождается к новой жизни; это предпосылка великого искусства, но все его три стадии («дионисийское волнение, мистическая епифания и катартическое успокоение»²) относятся к художнику в его ипостаси духовно-впечатлительного человека. Творческим является лишь нисхождение. В стадиях нисхождения осуществляется метаморфоза духовного События, которая составляет сущность восхождения: «новое дионисийское, преимущественно музыкальное, волнение» превращает мистическую епифанию в аполлиническое видение, в «заоблачные сны»³ поэтической фантазии, а затем оно, уносимое последней волной дионисийского вдохновения, находит свое последнее воплощение, которое мы называем произведением искусства. *Рожденное в любовном союзе духа и материи, оно охотно принимает предписанную ему форму, не изменяя при этом своей исконной сущности*

и закону. Нисхождение может быть отделено от восхождения днями, иногда годами, а иногда может и вовсе не состояться, так что мистическая интуиция не получает никакого художественного выражения. Отнюдь не всем дано воплотить духовное Пра-событие в творческом жесте. [Таким образом можно сказать, «что много званых к восхождению, но мало избранных к нисхождению, то есть мало художников». — *Зачеркнуто Ивановым*.]

Из сферы высшей действительности художник нисходит с новым знанием. В низшей реальности, которую он при своем восхождении оставил позади и которую он снова обретает при завершении своего нисхождения, в этой реальности, которая ныне поставляет ему материал для его произведения, познает он живую землю, находящуюся в истоннейшей и неразрывнейшей связи с высшими и самыми подлинными сущностями бытия. Она ждет прикосновений художника как откровений формы, откровений, посредством коих раскрывает она свою скрытую святость и шлет ему свое ответное откровение. Так открывается художнику правда человеческого творчества, норма правого нисхождения: «благоговение перед Низшим и покорность, повиновение воле Земли, которой он преподносит кольцо обручения с Высшим»⁴. Одновременно дается ему закон духовной жизни, «внутренний канон»⁵ [согласно терминологии *Иванова* — *Зачеркнуто Ивановым*], который содержит в себе условия правого восхождения [и правого нисхождения — *Зачеркнуто Ивановым*]: формирование духовной личности, согласно универсальным [космическим — *Зачеркнуто Ивановым*] нормам, *укорененным в Божественном Логосе*, оживление, усиление и обнаружение взаимосвязей и отношений между индивидуальным, личным бытием и всечеловеческой, всемирной, [божественной — *Зачеркнуто Ивановым*] жизнью.

Переживание искусства ведет к познанию истинной воли Матери-Земли, сокрытых идей ее вещей, невысказанных предчувствий и страданий земного творения.

1). Так соприкасаемся мы с высшим кругом мудрости, который мы обозначили как первое сокровище пробужденной от своей Пра-интуиции души «ἐν καὶ τῷ»⁶, Все- и Пра-Единство, предвечная основа мистического единения остается позади, и душа мистика начинает свой путь по дороге воплощений; здесь душе открывается реальность Божественного присутствия, которое — даже если оно сокрыто под видом всемогущей судьбы — являет собою сущность и судьбу Бытия: вечный прообраз космического господства и человеческой жизни.

[На полях этого абзаца, *отчеркнутого Ивановым*, его комментарий:

Пантеизм! Неоплатонический взгляд (который я не разделяю) совершенно произвольно приписывается мне здесь посредством употребления целого ряда технических выражений, которые мне абсолютно чужды! Все остальное есть исключительно развитие этого первоначального тезиса, совершенно ложно мне приписанного.]

— [Тире поставлено *Ивановым*] Возникшее видение (дионисийская эпифания) являет себя как пра-символ, который является чем-то вроде зародыша, содержащего в себе движущий принцип будущего развития,

но одновременно полагает размеры и границы своего развертывания; из него происходят все новые и все более широкие смыслы, которые простираются все дальше и дальше, и кажется, что в конце концов они включают в себя целую Вселенную (опыта — скобки поставлены Ивановым). [*На полях этого предложения, отчеркнутого Ивановым, его комментарий: Мои претензии не простираются так далеко!*] Из пра-символа рождается пра-миф. Рождение мифа является решающим событием творческой души. Истинность индивидуального мифа, делающая его подлинным национальным и всечеловеческим мифом, есть верность древнейшим мифическим основам — верность, которая знаменует глубокую укорененность в древнейшем мифе, равно как и его развитие и разработку, а также его утверждение и преодоление.

— [*Тире поставлено Ивановым*] Пра-интуиция означает для Иванова «откровение в Вечной Женственности как Мировой Души». Дела и страдания Мировой Души, ее печали и надежды, ее падение и спасение являются ведущей темой космической истории. В трех сущностях являет себя мистическая правда Мировой Души: в ужасе, страдании и любви. Мировая Душа — космическая Жена, Пра-лоно становящегося и одновременно Праматерь и Мойра древних, всепоглощающая Судьба, с неизбежной необходимостью властвующая и царящая над людьми и богами; она Мать-Земля (Деметра древних), рождающая все живущее и оплакивающая его гибель; она Вечная Невеста, тоскующая в покровках мрачной и враждебной материи, после своего освобождения взыскующая божественного света и божественной любви.

Эти ипостаси, эти ступени убывания абсолюта [*подчеркнуто Ивановым*] нисходящей Вечной Женственности соответствуют стадиям восходящего апофеоза мужского начала. [*На полях этого предложения, отчеркнутого Ивановым, его комментарий: Мировая Душа никогда не была абсолютной.*] Мужское как Вечно-Преходящее суть Сыны Земли, которые, возникая из Пра-лона, тщетно стараются своим творчеством и деяниями оставить отпечаток на облике Земли и отменить Закон Смерти: в их объятиях Вечная Жизнь зачинает смертных существ и поглощает в свое лоно бессильных и жестоких детей смертных.

Мужское как Вечно-Преходящее и Вечно-Возникающее — это Дионис греков, Озирис египтян; [*На полях комментарий Иванова: Первоначальное представление древних греков, — моя антропология не имеет с этим ничего общего.*]; в постоянных новых рождениях выявляет мужское начало, свою божественную волю к жизни, которое содержит в себе самоутверждение и самоизменение, жизнь и смерть, Бога, Жреца и Жертву, побежденного и победителя одновременно. И, наконец, высшая ипостась мужского начала — Он, Смиранный, отказавшийся от своей воли для того, чтобы принять в себя волю Божию, и в этом акте Богосыновства ставший посредником между Землей и Небом, между Богом и Мировую Душою, ставший носителем Божественного света, давно чаемым Женихом Мировой Души, своим прикосновением освобождающим ее. [*На полях комментарий Иванова: Христос для меня никакой не «Сын Земли». Этого нельзя утверждать даже о Дионисе или Озирисе.*]

Все метаморфозы и все стадии самооткровения божества [*подчеркнуто Ивановым, на полях комментарий: не понимаю!*] находят свое единство в аспекте любви как персонификации божества [*подчеркнуто Ивановым, на полях —?!*] и акты вечной Божественной драмы; норма человеческой жизни выводится из закона Божественного [*подчеркнуто Ивановым, на полях —?*] действия, и мир вновь обнаруживает себя носителем Божественных сил и Божественной сущности [*подчеркнуто Ивановым, на полях — ?*]. Божественная драма, разворачивающаяся во Вселенной, в макрокосме, повторяется в малых мирах — в микрокосмосах: в народе и в людях.

Народ есть живое единство, существенно независимая, обладающая целостным переживанием личность: многолика на своей периферии, лелеющая внутри святину единого и целостного сознания, единой и целостной воли. В этом единстве можно различить два начала: начало женское, душевное, наполняемое и начало мужское, духовное, оплодотворяющее. Корни первого уходят во всеобщую Праматерь — живую Землю, Душу Мира; корни второго — в иерархиях небесных сил [*подчеркнуто Ивановым, на полях комментарий: В печати это место (из «Достоевского») существенно переработано*] — Это второе мужское начало свободно и может быть укоренено лишь в самом себе постольку, поскольку оно считает самого себя Богом и Небесным Женихом, — но оно может также, отказавшись от своего Я ради Христа, принести Земле послание Его Богоносности. И только через такую богоносность народного Я второе начало становится всечеловеческим.

Судьба и преображения этих двух начал, их воплощение в коллективных и индивидуальных олицетворениях, их порыв друг к другу и борьба друг против друга, их отпадение от последней внутренней сущности и стремление к исполнению собственной внутренней энтелехии — вот подлинное содержание жизни народа. Его внешние судьбы суть лишь проявления этих внутренних энергий в пространстве всеохватывающего единства человечества.

[*на полях комментарий Иванова к последующему абзацу: Если последующее выглядит несколько расплывчатым, то это моя вина. Статья «Ты Еси» требует основательной переработки.*]

Подобный дуализм внутренней структуры повторяется в индивидуальной личности человека. Человек обретает самооткровение «в правом безумии религиозного восторга»⁷; женственная часть Я, Психея, освобождается из-под власти мужского сознательного начала, которое как бы погружается в самозабвение и умирает; блуждая на периферии сознания, Психея ищет лучи света, должны пробиться из нашего Божественного средостения, из глубочайшей святости нашей сущности. Но этот духовный свет раскрывается для Психеи только в ипостаси Богосыновства. Следуя зову Психеи, мужское Я воскресает из смертного сна и появляется в светлом образе Сына, — но только если его умопостигаемое самоопределение означает стремление к сверхличному центру личного бытия, если его последняя воля, скрытая в его глубинах, — есть не его воля, а воля Отца. В слиянии Психеи с преображенным Я восстанавливается личное сознание, но восстановленная личность высветлена, «очищена и освящена».

Многие опасности подстерегают человеческое Я на пути его самоопределения. Самая большая из них — это отвращение его мужской половины от сверхличного начала, демоническое самоопределение нашей воли в отпадении от Бога, удаление от источников Божественного света, изоляция и самозамыкание в узких границах собственной личности, — так накапливается содержание умопостигаемой вины, метафизического грехопадения.

Отвращение от сверхличного центра уклоняет волю мужского Я к периферии сознания, где освобождающаяся Психея встречается его в образе враждебного преследователя или коварного соблазителя. Подобно Менаде Агаве, она может напасть на него; Невеста, ожидающая светлого Жениха, на которую нападает узурпатор Божественной маски, превращается в яростную Менаду, которая убивает напавшего на нее бога и разрывает его на куски. Позднее, в свои светлые моменты, она его оплакивает. Но вот она уже бежит от него, от него удаляется — и тогда человеческий дух сталкивается с последним одиночеством (затемненному, падшему духу мир предстает как хаос и мрак) и начинает тосковать по освобождающей любви. Однако, отчужденный от своего божественного центра, он может найти любовь лишь в ее отражениях на периферии чувственного мира. Вечная Красота, по которой он тоскует, окутывается в покровы чувственной материи, ставшими непрозрачными для него теперь, и скрывается под масками образов Хаоса; с ужасом узнает одинокий и опустошенный дух в облике Хаоса пугающе прекрасные и наполняющие трепетом черты Космической Жены, чьи страхи смертный не может успокоить, чья созидательная сила не знает себе равных среди земных существ, но не находит претворения в любовь. (На память приходит судьба А. Блока.)

Каждый раз, когда человек, народ или все человечество начинают видеть себя в ореоле гордого отщепенства — после некоего периода демонического блеска — следует помрачение души и мира, и часы радости по поводу завоеванной иллюзорной свободы сменяются днями безнадежного и мрачного сомнения. «Древний ужас» ложится всей тяжестью на грустные, одинокие души — «древний ужас», который есть и наш страх, и наше страдание. Так мучились мы в оковах старой темницы, где страдало еще язычество, и наше новое сомнение есть лишь новая маска «древнего ужаса», вновь простершего свою власть над нами. Но причина этого недуга лежит в отпадении от христианства, от его учения о правом представлении о человеке и о спасении Мировой Души, в отпадении от христианства, которое лишь одно способно освободить нас от космического ужаса и дать нам истинную свободу.

[Далее следует примечание Иванова к тексту Шора:

Вы питаете иллюзию, что сами понимаете изложенное здесь «Мировоззрение»?!

Чего мне здесь не хватает? — Остроты различения.

Что я хвалю? — Дар сочетания.

Что я порицаю? — Злоупотребление последним.

В.И.]

Впервые: *Сегал Д., Сегал-Рудник Н.* «Ну, а по существу я Ваш неоплаченный должник». Фрагменты переписки В. И. Иванова с Е. Д. Шором // *Символ*, 2008. С. 367–383. Оригинал «Реконструкции» на немецком языке; печатается в переводе Д. Сегала с рядом уточнений по этому изданию.

¹ Эта формула Е. Шора исходит из ряда положений статья ВИ «О границах искусства».

² Эта формула Е. Шора исходит из ряда положений статья ВИ «О границах искусства».

³ Ср. «Ведет тропа святая / В заоблачные сны» (стих-ние ВИ «Поэты духа»).

⁴ Вяч. Иванов. Достоевский и роман-трагедия, *passim*.

⁵ Ср. ВИ «О границах искусства» (II, 638, 640).

⁶ Единое и целое (*греч.*).

⁷ Вяч. Иванов. Ты Еси. III, 266 и далее. Весь последующий текст в целом является переводом или перифразой этой статьи.

В. И. Иванов — Е. Д. Шору

20 августа 1933 г., Павия — Церинген

Дорогой Евсей Давидович,

До сих пор задержался в Павии, и только через неделю выезжаю в Рим. Ольга Александровна говорит мне, что в письме к ней Вы замечаете: «кажется, кажется, В. И. несочувственно относится к моей поездке в Италию» (передаю, конечно, не слова, но смысл Вашего полу-вопроса).

Это дает мне смелость досказать мою мысль, на что раньше я никак не решался, боясь перейти за границы дозволенного даже и при сердечных отношениях, какие существуют между нами. Итак, простите мое непрошенное вторжение в очень интимную сферу Вашей жизни; побуждает меня к этому большая любовь моя к Вам, глубокая и постоянная о Вас дума и — прежде всего — сознание какого-то нравственного долга предостеречь Вас на решительном повороте Вашего пути. Дело в том, что Ваша поездка в Италию — этап на пути в Палестину. Вы когда-то говорили мне о Вашем намерении поселиться в Палестине, и я ничего Вам тогда на это не возражал. Теперь настало время высказать то, что тогда было умолчено (отчасти и потому, что я еще недостаточно видел

Ваш внутренний мир). По моему убеждению, поехать в Палестину значит для Вас как бы принять какой-то обет на всю жизнь, нечто вроде орденового обета. Но Вы вступили бы в орден, Вам не соответствующий ни в каком смысле. Вы не сионист, как бы горячи не были Ваши симпатии сионистскому движению, как бы ни была безгранична Ваша любовь к Вашему прекрасному и высокому отцу и Ваше желание быть с ним и с ним работать. При всей святости этих заветов, Вы человек другого призвания и другого посвящения. Вас задумал Бог свободным исследователем и искателем духовных путей, Ваша духовная свобода — Ваш долг. Вы — всечеловек в лучшем значении этого слова и ни в каком отношении, ни в каком смысле не националист. Вы даже не еврей по своей духовной структуре и духовному опыту, а разве лишь по крови. Вы можете быть плодотворным только на горизонтах Духа, который дышит где хочет. Вам не указано приносить жертвы ни на Геризиме, ни в Иерусалиме (Ев. Иоанна IV, 21). Среди сионистов Вы почувствуете себя чужим, и они почувствуют Вас чужим. Начнется непрерывная внутренняя ложь, которая может парализовать Ваши силы. Вот моя мысль, вся, — вот мой великий страх за Вас. Совет и увещание: скорее, скорее, скорее докторируйте (м. б. у Степуна? Где бы то ни было, как бы то ни было: «man soll diese rein formellen Sachen rasch abmachen»¹, — говорил мне Моммзен о промоции) — и путь держать, если в Германии жить невыносимо, на Америку. Dixi.

Хочу ликвидировать и вопрос о реконструкции моего мирозерцания. Нашел письмо, при сем прилагаемое, написанное мною давным-давно и тогда не посланное — боялся Вас огорчить. Дал себе долгий срок для размышлений. Опять принялся теперь перечитывать манускрипт. Отмечал карандашом, как выразить точнее мои тезисы. И опять дошел до сплошной непроницаемой стены, где, увы, никакой карандаш не помогает. Просто, это — не я. Ничего не поделаешь. Если хотите, пришлите мне вопросник, и на каждый вопрос получите точный, как в катехизисе, ответ — что я думаю о том-то и о том-то и как все связывается.

Ваше построение, предлагаемая Вами связь — уже не приемлемы. Обнимаю Вас горячо, — и лично как желал бы свидания!

Ваш В. И.

Дорогой Евсей Давидович, нужен ли Вам еще мой unicum «Религии Страдающего Бога?» Вы покидаете Берлин, не оставляйте книги там. Вышлите ее заказною посылкой на Collegio Borromeo, мне, — что касается Kunst u. Symbol и книги о театре, прошу

Вас не заключать из моего скептического отношения к видам на их издание, что таковое меня не интересует или мне не желательно: слишком желательно (как это показывает и моя пристальная работа над «Ницше и Дионисом», теперь — кажется — ненужная), но очевидно, что наши надежды претерпели крушение. И статью о трагедии я понапрасну обрабатывал год тому назад.

(К письму приложен следующий текст В.И. Иванова)

Старый набросок ответа на «Реконструкцию»

Дорогой Евсей Давидович, давно обязан я был дать Вам отчет о Вашем опыте «реконструкции моего мирозерцания», и если так провинилс перед Вами своим долгим, чрезмерно долгим уклонением от обстоятельного ответа, то главная причина моей вины лежит — в этом должно прямо признаться — все же не в бесчисленных внешних препятствиях (времени сосредоточиться на этом вопросе до степени выработки окончательных формул мне в самом деле количественно не хватало, — м. б. моя работоспособность так сильно понизилась), но лежит эта причина в какой-то непреодолимой апории. Дело не в том даже, что прежде я думал о том-то и том-то так, а теперь иначе думаю, так что можно, примерно, — как Вы пишете, — защищать меня прежнего от меня нового: это упрощенное объяснение в существе неверно. В моих воззрениях совершается непрерывная метаморфоза (в гетевском смысле этого слова), что делает для меня самого невозможным просто отрицать какой бы то ни было предшествующий момент целостного органического развития. Разумеется, я знаю некоторые прежние заблуждения и ошибки мысли (например, я приветствовал в 1905 г. образование «пророчесственных общин», не знающих «имени», которое собрало их воедино, см. «Кризис индивидуализма», стр. 101, и анархический принцип в мистике вообще), но они скоро и как-то сами собою умирали и стирались органическим ростом положительного начала моего мироощущения. Иное дело — словесное ознаменование постигаемого: оно часто бывало неточно, сбивчиво, соблазнительно, потому что постигаемое еще «неясно различалось, как чрез магический кристалл», по слову Пушкина, — говоря проще, не было еще постигнуто до конца. Отсюда, например, мои трудности со статьей «Ты еси»: я никогда не был ни чистым трансцендентистом, каковы мусульмане, ни чистым имманентистом, что, по моему мнению, есть род атеизма, а между тем статья (вот уже, поистине, «магический кристалл») может показаться исповеданием чистого

имманентизма. Рассматривать как в себе замкнутое целое определенные отрезки динамического процесса вообще методологически нельзя, и в моем случае это особенно явно.

«Однако», говорите Вы — излагаю свободно — «такова — с подлинным верно, за это ручаются многочисленные цитаты, — общая картина Вашего мирозерцания в определенную эпоху, соответствующую по времени Вашим книгам *По звездам, Борозды и межи*; моя задача — связать отдельные части этой картины в цельную композицию, почему я и называю этот опыт реконструкцией». На это я должен представить целый ряд возражений методологического характера, помимо того, что уже сказал о научной опасности, которую несет с собою рассмотрение отрезка динамического процесса в статической замкнутости. И, прежде всего, «eine halbe Wahrheit ist keine Wahrheit»². А что Вы даете не все мое мирозерцание, но лишь часть его, реконструируя эту часть в подобие целого, явствует из многого. Во-первых, после моего 2-го сборника статей я не перестал ни жить и мыслить, ни говорить (правда, скучнее прежнего, но все же достаточно выразительно). Во-вторых, наряду с моими статьями существует и другая, и гораздо более изобильный и содержательный источник для познания моих интуиций — моя поэзия. В 1915 году я пишу поэму *Человек* — уже не реконструкцию, но синтетическое изображение всего моего мирозерцания в виде одного космического мифа. В-третьих, тот метод контаминации, которым Вы пользуетесь, есть метод, научно не одобряемый. И как производится эта контаминация «цитат»? Тут я излагаю усматриваемые мною в концепции *Достоевского* основы учения о народном я, о народной душе, об ангеле народа: все это изложение вставляется целиком в мозаику «реконструкции». Там я описываю психику дохристианского мира, его «древний ужас» перед великим женским божеством 2-го тысячелетия до Р. Х., вечно пребывающего богиней с ее вечно возникающим и умирающим мужским коррелятом (Дионис, см. мою книгу *Дионис и Прадионисийство*): все это вводится как интегральная часть моей собственной религии. В результате: реконструированное мирозерцание оказывается, для вдумчивого читателя, лишенным прочных основ и столь же фантастическим, сколько внутренне *неясным*. Что такое Бог, богочеловек, человек и мировая душа, ответить на это определительно вдумчивый читатель Вашей «реконструкций» не сумеет. Все вместе — эмпедоклов хаос, где плавают *disiecta membra*³ древнего мифа, христианского *гнозиса* и *неоплатонизма*. От «поэта», правда, можно было ожидать и мень-

шего: «viel lügen die Dichter»⁴ — но все же не в дидактической прозе, притязавшей на некоторую самостоятельность и строгость мысли; да и «Lügenerfinder»⁵ все же не значит: «ein unklarer Kopf»⁶. — Невозможно, наконец, при методе контаминации, обойтись и без произвольных вставок в искусно скомбинированные части мозаики, чтобы получить целое. Вот Вам пример такой вставки: Das ἔν καὶ πᾶν⁷ (где Вы вычитали у меня ἔν καὶ πᾶν?), die All-und-Ur-Einheit⁸ (но я же повсюду, не только в лирике, но и в тех двух сборниках статей утверждаю дуализм Бога и Тварности!), der ewige Grund der unio mystica (основанием для unio mystica в моих глазах является именно вышеупомянутый дуализм, неоплатонического монизма и эманационизма я никогда не принимал), der ewige Grund der unio mystica (основанием для unio mystica в моих глазах является именно вышеупомянутый дуализм, неоплатонического монизма и эманационизма я никогда не принимал), der ewige Grund der unio mystica (основанием для unio mystica в моих глазах является именно вышеупомянутый дуализм, неоплатонического монизма и эманационизма я никогда не принимал) ist verlassen, und die Seele des Mysten beginnt ihm auf dem Wege seiner⁹ (? чьих? des ἔν καὶ πᾶν? «Dessen, der sich selbst erschuf von Ewigkeit in schaffendem Beruf»¹⁰, — “des werdenden Gottes”¹¹, — я всегда ненавидел представления <не-разб.> werdenden Gottes, — или der Weltseele als ἔν καὶ πᾶν¹², — но для меня die Weltseele ist Kreatur!¹³). Inkarnationen (??) zu folgen; da wird ihr die göttliche Handlung (??) entschleiert, die, — selbst von einem übergreifenden Schicksal getrage¹⁴ (божество, подчиненное в своем действии какому-то übergreifenden Schicksal, — <per carità¹⁵ — зачеркн.> о каком до-сократике Вы это <метафизик — зачеркн.> говорите? — но уже, конечно, не обо мне, я тут неповинен!) Schicksal und Wesen des Daseins ist¹⁶ (так это все мне чуждо, что я просто ничего не понимаю ни об «Inkarnationen» — народ, индивидуум суть воплощения Бога?! — ни о модном теперь в Германии «Schicksal» — о Судьбе говорю я только в изложении дохристианского мироощущения): das ewige Urbild des kosmischen Waltens und menschlichen Lebens¹⁷ (не моя это музыка!)... — Обращу, наконец, Ваше внимание на одно, конечно, ускользнувшее от Вас обстоятельство: статьи мои обоих использованных Вами сборников имеют особенность (я бы сказал теперь просто: существенный недостаток), что они не откровенны и не договаривают мою тогдашнюю мысль до конца. В стихах говорил я все свободно, в статьях же, наряду с большой подчас экспансивностью и даже дерзостью, я намеренно делал умолчания. Вы найдете в них порою обороты в роде: «устраняя из изложения элемент личного исповедания», «независимо от личного исповедания автора» и т. п. Я избегал говорить в них о *вере*. Я хотел быть понятным и приемлемым для разномыслящих, из которых большинство были неверующими в смысле положительной религии. Я хотел, говоря «с эллинами по-эллински», базироваться на свойственном времени

предрасположении к «мистически окрашенному» умозрению, между тем как сам я уже стоял на почве положительного, даже церковного христианства, о чем совсем открыто говорил только в “христианской секции” петербургского Рел[игиозно]-Фил[ософского] общества, председателем которой состоял (ср. Экскурс об Эстетике и Исповедании, *По звездам*, стр. 303–304; второй мой сборник уже значительно откровеннее). — Что касается «Реконструкции», я долго и мучительно думал, что мне с ней делать. Пытался предложить Вам переформулировать отдельные мысли; напр., для первых 10 строк выработал такую редакцию:

«Die Urintuition Iwanows ist das Erschauen der übersinnlichen Realität und zwar einerseits der überweltlichen absoluten Realität Gottes, andererseits — im Kreise der Kreatürlichen — der die sinnliche Welt durchdringenden geistigen Wesenheiten, zu denen in erster Linie der Mensch selbst gehört als metaphysische Einheit des Menschengeschlechts und als das metaphysische Selbst der einzelnen Persönlichkeit. Das ganze Schaffen Iwanows ist ein Versuch das Erlebte mit Mitteln der poetischen Gestaltung vor aller Augen hinzustellen und das Geistigerschaute in der Erscheinungen der ‘niedereren Realität’ aufzudecken <aufzuschliessen — зачеркн.>. So wird dem seine Darstellung des Sichtbaren symbolisch bedeutsam, und seine <unmittelbar — зачеркн.> Anschauung des Unsichtbaren kleidet sich in mystische Bilder ein. Denn die Intuition des Übersinnlichen ist ihrem Wesen nach unmittelbar und unbeschreibbar; sie bleibt als eine “unaussprechliche Vision” usw. — nach ihren Wirkungen und Spiegelungen erkannt, in Symbolen angedeutet, in Mythen verkörpert»¹⁸. Дальше все благополучно, до абзаца ο ἐν καὶ Πάν, где руки у меня опустились —.

Впервые: в статье Д. Сегала «Вячеслав Иванов и семья Шор» // *Cahiers du Monde russe*. XXXV / 1–2. P. 347–349. Печатается с уточнениями по изданию: Символ, 2008. С. 395–400.

¹ «С этими чисто формальными вещами надо разделаться как можно быстрее» (*нем.*).

² Полуправда не есть правда (*нем.*).

³ «Разъятые члены» (*лат.*) — одно из любимых выражений ВИ из Горация.

⁴ «Много лгут поэты» (*нем.*) — высказывание, приписываемое Солону и Платону.

⁵ Выдумщик (*нем.*).

⁶ Нечеткий ум (*нем.*).

⁷ Единое и целое (*греч.*).

⁸ Все-и пра-единство (нем.).

⁹ Вечная основа мистического единения покинута, и душа миста начинает следовать по пути его... (нем.).

¹⁰ «Того, кто сам себя извечно творит в своем творческом призвании» — цитата из стихотворения Гете «Prooemion».

¹¹ Становящегося Бога (нем.).

¹² Души мира как единое и целое (нем., греч.).

¹³ Душа мира есть творение (нем.).

¹⁴ Следовать воплощениям (??), тогда ей открывается божественное действие, которое само передается всемогущей судьбой (нем.).

¹⁵ Пощадите! Ради Бога! (итал.).

¹⁶ Судьба и сущность бытия (нем.).

¹⁷ Вечный прообраз космического господства и человеческой жизни (нем.).

¹⁸ Изначальная интуиция ВИ — это созерцание сверхчувственной реальности, а именно, с одной стороны, надмирной абсолютной реальности Бога, с другой стороны, — в мире сотворенного — реальности духовных сущностей, пронизывающих чувственный мир, к которым принадлежит прежде всего сам человек как метафизическое единство человеческого рода и как метафизическая самость каждой отдельной личности. Все творчество ВИ — это попытка выявить все пережитое перед взором всех с помощью поэтических образов и раскрыть все духовно зримое в явлениях «низшей реальности». Так его представление видимого мира приобретает значение символическое, а его созерцание невидимого облекается в мистические образы. Поскольку интуиция сверхчувственного по природе своей непосредственна и неопишима, она остается своего рода «невыразимым видением» и т. д. — которое познается в своих воздействиях и отражениях, обозначается символами и воплощается в мифах (нем.).

А. Пеллегрини — В. И. Иванову

3 марта 1934, Милан — Павия

Дорогой профессор,

Просматриваю в последний раз корректуру «Конвенъ» и перечитываю письмо о *docta pietas*¹. И чувствую необходимость сказать Вам, что мне слышится в Вас голос одного из наших мастеров XV века, или одного из тех, что принесли нам чувство и осознание Древнего Слова. Именно так изъяснялись они; что сегодня в нашем суетном и торопящемся мире есть возможность вновь услышать

чистое слова гуманиста, слово, которое возвращает к вечным ценностям, представляется мне даром благожелательной судьбы. Мне было необходимо выразить признательность к Вам таким образом.

Впервые: РИА. VIII. С. 154. Оригинал на итальянском яз. Перев. А. Б. Шишкина.

А. Пеллегрини (Pellegrini Alessandro, 1897–1985) — итальянский писатель, историк литературы, журналист и издатель. В 1934 г. собрал и опубликовал специальный номер журнала «Конвеньо», посвященный ВИ.

¹ Имеется в виду обращенное к Пеллегрини ивановское «Письмо о *docta pietas*» (III, 433–449), продолжающее проблематику «Переписки их двух углов». Оно было включено в журнал *Il Convegno* 1934 (XII). О термине *docta pietas* см. наст. изд., т. 1. С. 959. Прим. 4.

В. И. Иванов — А. Пеллегрини

19 апреля 1934, Павия — Милан

Дорогой друг,

Был чувствительно тронут, получив вчера первый экземпляр специального выпуска журнала, столь учтиво посланный Вами. Радость моя соединялась с легкой тенью меланхолии — что Вы, без сомнения поймете, представив себе старца-изгнанника — и благодарностью к возлюбленной мною Италии, где ценится мое безвестное творчество, тогда как в моем отечестве оно находится под запретом — хоть, даже если б этого запрета и не было, оно звучало бы странно и непонятно поколениям, которые утратили муз и память. И эту Италию, что питает, ободряет и утешает меня, представляете сегодня для меня прежде всего Вы, великодушный друг, создатель, вдохновитель и исполнитель этого замечательного свидетельства гуманистического «*vinculum amoris*»¹, каковым является наше издание, изящное, элегантно и, разумеется, не бедное мыслями, самопроизвольно объединяющимися вокруг проблематики ваших превосходных и глубоких «Размышлений», которые по справедливости занимают в нем центральное место: я не мог бы ответить на них более задушевно, эзотерически, «ипогейтически»², — что,

без сомнения, было бы возможно в других обстоятельствах, если бы Вы, в свою очередь, могли представить новые возражения и соображения, каковые разумеется побудили бы меня обратиться Вам новые размышления, и так возникла бы между нами новая «Переписка» — от одного «я» к «я» другому — «wie ein Geist zum andern Geist»³, от одного демона к другому.

Немалую радость доставило мне предыдущее Ваше письмо, где Вы приписываете мне то, что мне действительно весьма дорого: некоторое сродство со стилем и мышлением гуманистов XV века (несмотря на заголовок «Sopra la docta pietas», сродство мною отнюдь нежданное), что для меня есть наивеличайшая похвала, наряду с другими многочисленными похвалами в «Конвеньо», меня смущающими, ибо честь и слава заявленного обо мне не соответствует тому, что я в действительности могу предъявить читающей публике, чтобы их оправдать. <...>

Впервые: РИА VIII. 154–156. Оригинал на итальянском яз. Перев. А. Шишкина. Печатается с исправлением опечатки.

¹ «Связь любви» (лат.). Этим выражением завершается статья Э. Р. Курциуса в «Конвеньо»: «В своей книге “Истории гуманизма”, где раскрываются новые горизонты этой проблематики, Дж. Тоффанин показывает нам, что гуманисты были соединены в духовное братство. Подобным же “vinculum amoris” является и нынешнее издание в честь Иванова, которое перед нами» (т. е. «Конвеньо». — А. Ш.) (Il Convegno 1934 (XII). P. 271).

² От лат. *hurogeum* — подземный.

³ «Когда ответит духу дух» (нем.) (перевод Н. Холодковского), «Фауст» И. Гете, ч. I, сцена 1, строка 425.

В. И. Иванов — А. Г. Годяеву

7 декабря 1935, Рим — Милан

Дорогой Алексей Гавриилович,

Благодарю Вас за доверие, о котором свидетельствует Ваше письмо. Краткость последнего не позволяет мне составить точного понятия о Вашем душевном состоянии. Но важнейшее Вы все же

сказали, а именно: что Вы человек твердо верующий и что даже готовитесь к священнослужительству. Была бы твердая вера, а остальное приложится, и все устроится в Вас действием Благодати Божией. Скорбеть о гибели утраченного естественно, уныние же — грех и измена духу не гибнущему. Что Бог дал, то и взял: если по грехам нашим, то мы этого заслужили и должны исправиться; если во испытание верности нашей, то мы должны явить себя сугубо и действительно верными. Действенность же (а не пассивная косность) верности нашей первым долгом ставит для нас проверку самой верности: хотим ли быть верны непреходящему или преходящему Богу или его «кумиру и всякому подобию»? Не будем уподобляться Евреям, плачущим на развалинах старого храма и не узнающим нового, нерукотворного Храма, Тела Христова, Его Церкви... Вы сетуете о «разрушении русской культуры»; но она не разрушена, а призвана к новым свершениям, к новому духовному сознанию. Притом, как есть одна Истина и одна Красота, так и культура, в существенном и последнем смысле этого слова, — культура, как духовное самоопределение и самораскрытие человека, — выражение вселенского единства и дело вселенского единения. Так и русская культура лишь один из типов и одна из граней единой культуры. Бессмертное в творчестве бессмертно для всех; да и задумываются величайшие творения мысли и искусства с целью утвердить некую всеобщую истину, воплотить некую всеобщую идею, и только потом оказывается, что мыслитель или художник, выражая это всеобщее, существенно выразил особенность их национальной души. Достоевскому казалось, что истинно русский человек прежде всего «всечеловек» и что поэтому он в Европе более европеец, нежели француз или англичанин или немец, из коих каждый чувствует себя именно французом или англичанином или немцем и лишь условно и отвлеченно — европейцем. Итак, русскому беженцу, действительно верному заветам русского духа и русского духовного дела, надлежит прежде всего вырваться из бытовой и психической замкнутости и затхлости местных русских «колоний» и жить общею жизнью с народами Запада...

Впервые полностью: Символ, 2008. С. 436–473. Публ. А. Б. Шишкина. Печатается по этому изданию.

А. Г. Годяев в 1936–1937 гг. служил дьяконом в Миланском приходе, затем стал протодиаконем православной церкви в Белграде.

В. И. Иванов — Л. И. Шестову

10 февраля 1936, Рим — Булонь

Дорогой Лев Исаакович,

Вот уже и Вы (а мне казалось, что Вы помоложе гораздо!) дожили торжественной грани, когда человек — как бы ни «обновлялась, подобно орлу, юность его»¹ должен признать главное дело своей жизни... о, конечно, не сделанным и не законченным, — случается ли это с кем-либо из тех, которые продолжают жить в духе? — но, по крайней мере, определившись в его основных чертах, как, примерно, готический собор, похожий в своей нестроенности на прерванное <?> сновидение. Если есть в этом чувстве («не знаю сам какая, но все ж я миру весть», сказал заблаговременно Валерий Брюсов²) некоторое личное удовлетворение, то Вы, конечно, можете в эти дни его испытывать — и в большей мере, чем хотя бы я сам, всю жизнь стремившийся к законченным формам, — именно потому, что Ваше единое и апофатическое исповедание было *transcensus uniuscuiusque formae in maiorem Dei gloriam*³. И этому Вашему единому слову суждено, думается, вечно звучать: ибо, если строить культуру с Вами нельзя, то нельзя строить ее и без Вас, без Вашего голоса, предостерегающего от омертвения и от духовной гордости. Вы похожи на ворона с мертвой и живой водой. И с годами все больше Вас люблю и все больше, мне кажется, понимаю. Поэтому поздравляю Вас, дорогой старый друг, с Вашим славным семидесятилетием от всего сердца и желаю, чтоб Ваш расцвет — ибо Вы в расцвете и нет еще, как Вы вероятно и сами чувствуете, ни малейших признаков *du déclin* — был долгим и лучезарным.

Впервые: Символ, 2008. С. 431–432. Публ. Ж. Пирон и А. Б. Шишкина. Печатается по этому изданию.

Об отношениях Л. Шестова и ВИ см. наст. изд., т. 1, по указ.

¹ Псалом 102: 5.

² Строки из сборника В. Я. Брюсова «Urbi et Orbi» (стих-ние «Июнь»: «Не знаю сам, какая, и все ж я миру весть!») воспроизведены по памяти.

³ «Трансцензус всякой формы к вящей славе Божией» (лат.).

Л. И. Шестов — В. И. Иванову

16 февраля 1936 г. Булонь — Рим

Дорогой Вячеслав Иванович!

Если бы Вы знали, как радостно было мне получить Ваше письмо! Недаром говорить, что старый друг лучше новых двух. Правда, и грустно было читать мне его, как может быть и Вам грустно было писать его. Грустно, что Вы пишете из Рима, а я получаю письмо в Париж, и что Париж и Рим, которые я (верно тоже и Вы) всегда так любил, теперь стали для нас местами ссылки. Хотелось бы вернуть старое — когда Вы писали из Петербурга, а я получал письма в Москву или Киев. Но, лучше об этом забыть, ибо тут ничего переделать нам не дано. Оттого, может быть, теперь, когда пришла старость, которая всех понуждает оглядываться на прошлое, трудно говорить и думать об «удовлетворении». Какое бывает удовлетворение, какое может быть удовлетворение в изгнании? Вы так хорошо сказали — *transcensus uniuicuisque formae in majorem Dei gloriam*. Но, все же, мы смертные <-> конечные люди <,> нуждаемся и ищем здесь, на отмени времен, и законченных форм: трудно нам жить без отечества. Я это особенно почувствовал, когда через Ваше письмо дошел до меня Ваш голос, которого я столько лет не слышал. Как раз недавно, перечитывая историю философии знаменитого санскритолога Дейссена¹ я наткнулся у него на такую фразу: к чести Евангелия нужно сказать, что из 7 просьб, включенных в Молитву Господню, только одна («хлеб наш насущный даждь нам днесь») низменна — остальные все — возвышенны. Ученик Канта и последователь Шопенгауэра, конечно, иначе судить не мог. Но мне, который не учился, а всегда с Кантом боролся, может быть, позволено думать иначе. И, когда я прочел у Вас слова о *transcensus'e* и о Вашей любви к законченным формам, я вдруг почувствовал, что *gloria Dei* нисколько не оскорбляется тем, что человек просит о хлебе насущном, как оскорбилась бы Кантовская автономная мораль и, что, если мы будем просить о возвращении нам Москвы и Петербурга, то наша просьба может быть услышана и — если не здесь, то в *transcensus'e* исполнена. Вам я это могу сказать,

а, быть может, при случае скажу и другим, хотя знаю, что другие пошлют меня *Zuruck auf Kant*². Но мне к этому не привыкать: всегда меня к Канту отсылали. В последние годы моего пребывания в Париже, однако, мне пришлось встретиться с человеком, давно, правда, ушедшим из нашего мира — то есть собственно я встретился не с ним, а с его мыслями, выраженными в книгах — с Киргегардом. Прежде я даже и по имени его не знал (а Вы его знали?). И вот у него я встретил такое же понимание *transcensus'a* — и был неожиданно поражен этим. Киркегард — от Гегеля пошел к частному мыслителю, Иову и от греческого симпозиона к Аврааму. Вы, верно, читаете парижские русские газеты и, может быть, прочли заметку о том, что к 70-летию моему кружок друзей решил издать мою книгу о Киргегарде (она уже 1 1/2 года лежит у меня «в портфеле» — не мог найти издателя)³. В этом году, если не ошибаюсь, исполнится и Вам 70 лет. Если разрешите — я пришлю Вам эту книгу (она, верно, в мае выйдет в свет). Она называется «С. Киргегард и экзистенциальная философия». Вы найдете в ней размышление на тему «Сократ или Авраам», иначе говоря «Писание или Симпозион». Сейчас кончается печатанием моя другая работа на ту же тему, под заглавием «Афины и Иерусалим». Но она печатается в «Revue Philosophique», которая, к сожалению, не дает оттисков. А мне очень бы хотелось, чтобы Вы с ней ознакомились: может быть в Риме можно ее в библиотеке достать. Это все, надо думать, мои лебединые песни и этим верно объясняется мое желание, чтоб Вы, мой старый и дорогой друг, послушали их. Всего Вам доброго, обнимаю Вас <...>

Впервые: Символ, 2008. С. 432–434. Публ. Ж. Пирон и А. Б. Шишкина. Печатается по этому изданию.

¹ Имеется в виду немецкий ориенталист Поль Дейссен (1845–1919).

² Назад к Канту (*нем.*).

³ Издательство «Nouvelle Revue Française», а за ним издательство «Грассе» отказались печатать кн. Л. Шестова «Киргегард и экзистенциальная философия» (1934). В начале 1936 г. был организован Комитет друзей Шестова. В него вошли Л. Леви-Брюль, Н. Бердяев, П. Дежарден, А. Добрый, М. Эйтингтон, Ж. Де Готье, А. Лазарев, Ж. Полан, Б. Шлецер. На собранные по подписке средства книга была опубликована летом 1936 г. (рус. изд. — Париж, 1939; Москва, 1992).

В. И. Иванов — В. В. Рудневу

14 июля 1938 Рим — Париж

Глубокоуважаемый Вадим Викторович,

66-й книги я не получил и узнал о ее выходе только из рецензии Г. Адамовича, доставленной мне друзьями. Не осведомлен я и о намерениях И. И. Фондаминского; с чувством живейшей благодарности узнаю от Вас, что он «взял на себя заботу об издании моих стихов»: могу ли заключить отсюда, что вопрос об издании моей книги разрешен благоприятно?

«Воспоминаний» у меня нет. Их многие желают — например, «Antologia Italiana», «Corona». Я отнекиваюсь. Приятно ли перебирать в памяти «человеческое, слишком человеческое»¹? Но «осветить по-своему те годы» (как Вы пишете) было бы полезно. В том, что об них писали и пишут, слишком много путаницы, мути и недоразумений. Позиции отдельных писателей были весьма различны, но по существу вполне ясны и определены; общей «веры», общего для всех — скажем — «символизма» не было; почти никто не понимал другого, и каждый другого в чем-то подозревал, а младшие уже вовсе ничего не понимали в творчестве даже тех старших, коих особенно почитали. Несмотря на живое внешнее общение, все значительные таланты чувствовали себя внутренне одинокими; они продолжали и позднее идти каждый своим отдельным путем. Все это стоило бы с надлежащею показательностью изобразить; но мне теперь нечего и думать о подобном начинании: дай Бог управиться с двумя огромными трудами, из которых один научный, а другой — поэтический².

Для ближайшей же книжки предлагаю Вам (если Вам не надоело печатать, а Вашим читателям бегло просматривать мои стихи) два прилагаемые стихотворения, новые, т. е. написанные во время составления лежащей у Вас рукописи, — в измененной (сравнительно с рукописью) редакции. Обоим я придаю значение³.

Далее, сообщаю Вам к сведению, что у меня имеются два больших неизданных поэтических перевода: трагедии Эсхила и лирика Новалиса. Если бы «Совр[еменные] зап[иски]» вздумали угостить своих читателей переводами (в размерах подлинника) классических произведений, то я прислал бы Вам, примерно, «Орестею» Эсхила

или «Гимны к ночи» и «Духовные стихи» Новалиса. Думаю, однако, что предложение не отвечает программе «Совр[еменных] записок».

Если хотите статей, то я не прочь собрать некоторые «Мысли о поэзии» или сообщить несколько соображений о «Легенде о Великом инквизиторе»: недавно я говорил об ней в одном русском обществе⁴.

С сердечным приветом, преданный Вам

Вячеслав Иванов

Впервые: Современные записки (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 3. М., 2013. С. 976–977.

В. В. Руднев (1879–1940) — журналист, публицист, в 1920–1940 гг. бессменный редактор журнала «Современные записки».

¹ Обыгрывается название книги Ф. Ницше 1878 г.

² Имеется работа над «Повестью о Светомире» и исследованием «Дионис и Прадионисийство».

³ Это стих-ния «*Ferrea Turris*» и «На пиру суфитов».

⁴ Лекция в Папском Восточном институте или в Руссикуме.

В. И. Иванов — Б. К. Зайцеву

28 марта 1939, Рим — Париж

Дорогой Борис Константинович,

Вы несказанно тронули меня Вашею верною памятью, дружескою вестью после долгих лет разлуки, Вашею чудесною, родниковою книжкой¹ и милым, братским письмом о прошлом и заветном, — письмом радостным и грустным, потому что из него я узнал о смерти дорогого и незабвенного Георгия Ивановича². Он часто мне перед этим снился; потому, быть может, Вы и меня во сне увидели и захотели написать мне, что его душа посредствовала между нами. Ведь я его очень любил, горько, бывало, обижаясь на его обидчиков и клеветников, и вот только-что испытал вновь старинную обиду за него при чтении некролога (в «Современных Записках»), подписанного, к сожалению, Зинаидою Николаевною Гиппиус. Я знал его слабости, но умел ценить и его душу, и его духовное горение, и его порою ярко вспыхивавший литературный

талант. Мне сильно хотелось с ним увидеться. Мне был он верным и прекрасным другом. Как и где живет теперь милая Надежда Григорьевна? И добрая, тихая Евдокия Ивановна? ³ Мученики все они там, за рубежом... ведь за рубежом-то они, а не мы. Жаль, что я, приехав умирать в Рим (как я говорил в Москве провожавшим меня в 1924 году приятелям), уже не застал Вас в Италии. Как бы желал я теперь встретиться и поговорить с Вами о былом и о поэзии, о жизни и о Боге. Из Ваших работ новых знаю не много: после жития преп. Сергия только отрывки из Вашего «Глеба» — мало, что до нас, в Рим, доходит. Мережковские часто бывают у нас на тарпейской скале. С покойным Шестовым мы раз обменялись письмами, он стал мне с годами очень дорогим. Со мною дочь, а сын — в Chartres, (он agrégé и professeur de lycée); жду его на пасху. Кланяйтесь от меня сердечно Вашей супруге (она помнит меня?). Вас же братски и нежно обнимаю, благодаря Вас за Вашу ко мне доброту.

Вячеслав Иванов

P. S. Простите мешкотность ответа неповоротливому старику.

Впервые: НЛЮ. № 10. С. 290. Публ. Ж. Шерона. Печатается по этому изданию.

О Б. К. Зайцеве и ВИ см. наст. изд., т. 1, по указат.

¹ Зайцев послал ВИ свой роман «Валаам», 1936 со следующей дарственной: Вячеславу Иванову / прекрасному поэту, / дружески и почтительно / Бор. Зайцев./ 9 янв. 1939. Париж.

² Г. И. Чулков.

³ Н. Г. Чулкова (1874–1961). Евдокия Ивановна — лицо неотожествленное.

Г. Робакидзе — В. И. Иванову

14 апреля 1939, Берлин — Рим

Дорогой Вячеслав Иванович,

Ваши милые строки принесли мне большую радость. Благодарю. Надеюсь Paeschke ¹ Вам понравился. Немножко «напористый» (в сфере исканий) — но это от молодости. Моя жена на днях поедет

в Италию. Повидает Вас и привезет с собой кусочек Росси<и>. Она из Орла. Работаю над новой книгой: «Atlantischer Traum». Вы увидите следы Ваших гениальных прозрений: в данном случае имею в виду Terror antiquus. Задача, которую я себе поставил, исключительно трудная: я хочу изобразить человека наших дней, который является духовно — а может быть и в отношении расы — потомком атлантов. Пожелайте мне удачи — так, внутренне, без слов. Не исключена возможность, что я осенью вновь увижу Италию. Разумеется — встречу тогда с Вами: мне необходимо поговорить с Вами о многих существенных вещах.

Впервые: РИА II. С. 178. Публ. Т. Л. Никольской. Печатается по этому изданию.

Григол Робакидзе (1880?–1962) — грузинский писатель, поэт и журналист, писал также на русском и немецком языке. О Робакидзе и ВИ см. работу Т. Никольской // РИА II. С. 169–174. Письма ВИ к Робакидзе не выявлены.

¹ Ханс Пэшке (1911–1991) — немецкий поэт и критик, член редколлегии баден-баденского журнала «Mergure», в письмах к ВИ настойчиво приглашал его участвовать в журнале.

Г. Робакидзе — В. И. Иванову

8 июня 1939, Иена — Рим

Дорогой Вячеслав Иванович,

Пишу Вам из Иены, где я нахожусь в гостях у моего издателя: Diederichs. Жена моя уже вернулась из Италии. К сожалению, плохая погода помешала ей вдосталь напиться истоками этой благословенной страны. Две встречи с Вами останутся в ее памяти неизгладимыми. Она очарована Вашей Личностью: как Русская и как Человек. А Раесчке только и говорит о Вас. Моя жена передала мне Ваши слова: Пусть Г. Т. не перестанет любить меня. Это тронуло меня до слез. Не сомневайтесь в моей любви к Вам. Вячеслав Иванович! Я предан до конца тем, встреча с которыми

рождает во мне вот это чувство: Разлуки нет, значит, нет и смерти. Среди тех немногих, которые посвятили меня в тайны мира, одно из первых мест занимает Ваше имя. Мои книги свидетельствуют об этом. Я думаю, что Человек единственное существо, которое «брошено» в мир как творческий проект. Он должен в каком-то пункте осуществить два тока — по Вашему определению это — Ройя: божественное и небожественное. Человек должен стать личным образом сверхличного — в этом смысл жертвенного пути Бога к Человеку, равно как и обратного, тоже жертвенного, пути Человека к Богу. Не все одинаково разрешают эту задачу, и потому не все в одинаковой мере бессмертны разумом космически, а не метафизически. В этом я глубочайше убежден. Отсюда: какая радость должна ожидать человека, когда он встречает вдруг кого-нибудь, в котором эти два тока — по его силам и данностям — предельно «разрешены». Подробнее об этом — лично: по всей вероятности, в августе я буду в Риме. Заранее предвкушаю Радость беседовать с Вами — «пифагорейски».

Всего Светлого! Ваш Grigol Robakidze

PS Сердечный привет Вашей Подруге. Я знаю, что Вам трудно отвечать на письма. Поэтому я и не жду ответа. Одна просьба только: в *Минуты глубокого Созерцания иногда подумайте и обо мне*.

Впервые: Русско-итальянский архив. II. Salerno, 2002. С. 178–179.
Публ. Т. Л. Никольской. Печатается по этому изданию.

Л. Пачини-Савой — В. И. Иванову

9 октября 1946, Неаполь — Рим

Высокоцитимый и дорогой Вячеслав Иванович,

Беру на себя смелость послать Вам исследование «Ревизора» и реконструкцию текста «Слова о полку Игореве»¹. Как я уведомяю в кратком введении (издание предназначено для студентов Восточного института, и не может быть подробным специальным

научным исследованием), упрек в произвольности *a priori* может поставить под сомнение каждую реконструкцию текста. Но если читателю станет доступной поэма, форма которой — законченная, гармоническая и последовательная, то, на мой взгляд, мы сослужим ему неплохую службу.

Каждая реконструкция произвольна, недостает определенных элементов. Но и чтобы восходить к Господу Богу недостает некоторых определенных элементов, — и отнюдь не по этой причине мы избираем скептицизм.

Малые указания в тексте — повтор слов, игра гласных и согласных звуков (то есть, игра музыки), сопряжение смысла и так далее. Малые указания или малые поводы, следуя за которыми интуиция, чувствительность у которой нередко столь же тонкие, как у ночных насекомых, движется, ими заворожена. Если идешь по верной дороге, то ее осознаешь, это трудно высказать словом. Иные чувствительности у других. Чувствительность Евгения Ляцкого, моего учителя, отлична от моих, у сотни людей сто пар отличных от другого чувствительностей.

Но Ваше суждение мне будет более ценным и дорогим, чем суждения других: Вы более, чем критик, — Вы поэт, и вновь идя по дороге автора Слова — той дороге, что я пытался восстановить, — сразу почувствуете, что это: ковер мха или путь, усеянный камнями.

Напишите мне *тогда* и о «Ревизоре» и о «Слове», если Вам позволит время и будет желание. И напишите по-русски. Мне нужно учение, а не похвалы. Благодарю Вас, дорогой и высокопочтимый Вячеслав Иванович. Мой привет Вашей дочери.

Сердечно Ваш
Л. Пачини

Впервые: Русская литература. 2011. № 4. С. 126. Публ. Б. Сульпассо. Печатается по этому изданию. Оригинал на итальянском яз. Перевод А. Б. Шишкина.

Леоне Пачини-Савой (1907–1991) — итальянский поэт и писатель, славист; с 1947 г. — доцент русского языка и литературы в Восточном университетском институте в Неаполе. Ученик Б. Кроче.

¹ Пачини посылает ВИ свои книги: 1. *Detto della campagna di Igor* — Слово о полку Игореве / Под ред. Л. Пачини-Савой. Неаполь, 1946. 2. *Pacini Savoj L. Il «Revisore» di N. V. Gogol. Napoli, 1946.*

В. И. Иванов — Л. Пачини-Савой

21 декабря 1946, Рим — Неаполь

Благодарю Вас, дорогой Пачини, за милое, теплое письмо и за любезную присылку двух Ваших работ. Исполняя двойное Ваше желание, пишу Вам, во-первых, по-русски, во-вторых, со всею прямою: не взыщите же за прямою.

Ревизор, по моему убеждению, комедия гениальная; а в каком именно смысле комедия и почему гениальная, я точно определяю в статье «Гоголь и Аристофан», напечатанной в цюрихской «Corona», Jahrgang III, 1932/33, Heft 5., SS. 611 ff. Итак, наши оценки прямо противоположны. Ревизор, согласно догматам Вашей пообетшалой поэтики, вовсе даже и не комедия; и это Ваше мнение еще только пол-беда. Новейшее поветрие так называемой «стилистической критики» ввело Вас в злейшую ересь. Гоголь, этот великий выдумщик, имена героев которого, как Плюшкин или Хлестаков, сделались нарицательными, подобно именам Обломова, Дон Аббондио или Тартюфа, представляется Вам лишенным поэтической изобретательности: мастер был он лишь на изобретения стилистические. Слушая Вас, Декарт, требовавший понятий ясных и отчетливых, пожал бы, вероятно, плечами. Утверждение, что Хлестаков не лицо, а олицетворение гоголевского стиля, на мой взгляд лишено всякого смысла. В новое искушение ввели Вас русские «формалисты» первых годов революции, верившие, что любое поэтическое создание при внимательном расследовании окажется сшитым из старых или чужих лоскутьев. И вот Вы предпринимаете безуспешные розыски «миргородской лужи» в городке Городничего и пытаетесь уверить читателя, что беспокойно-деятельный, неугомонно, хоть и нелепо предприимчивый врун с расчетом, Кочкарев есть прототип плывущего по течению лентяя и мечтателя, пустомели и хвастуна, враля для вранья Хлестакова.

Если Ваша работа о Ревизоре меня ни в каком отношении не удовлетворяет, то другая работа, посвященная перестройке «Слова о полку Игореве», во всяком случае не убеждает. Если бы Вы просто предлагали читать «Слово» в измышленном Вами порядке с целью легчайшего усвоения его содержания, не трудно, быть может, было бы с Вами согласиться. Но Вы притязаете на вос-

становление словесного памятника в его первоначальном виде. Но можно ли назвать реставратором того, кто разрушив здание, слагает из его обломков новое, похваляясь тем, что новое гораздо светлее прежнего? То, что подрывает доверие к Вашей попытке, есть отсутствие твердых и надежных критериев предпринятой работы. Неприятно, прямо нестерпимо повсеместное искажение подлинных, искони свойственных языку ударений в угоду фальшиво придуманной схеме метрического и трофического строения; но это вина не Вашего изобретения, а Вашей излишней доверчивости к предшественникам.

Желаю Вам счастливого Нового Года и всего, всего доброго. Дочь моя благодарит за Вашу добрую память и присоединяется к моим пожеланиям.

P.S. Мой взгляд на склад и форму Слова Вы найдете в статье «Vom Igorlied» (Corona, Jahrgang VII, 1932/33, Heft 6, SS. 661 ff.).

Впервые: Русская литература. 2011. № 4. С. 126–127. Публ. Б. Сульпассо. Печатается по этому изданию.

В. И. Иванов — Н. А. Оцупу

24 августа 1947, Рим — Париж

Дорогой Никита Авдеевич,
Давным давно — с Пасхи, — все собираюсь написать Вам, поблагодарить за память и весточку и сказать Вам что-то душевное, внутреннее, — что и просит сказаться всякий раз, как подумаю о Вас, а вспоминаю Вас постоянно; но «заботы века сего»¹ все время заглушают — не мысль о Вас, а по крайней мере слово, которое хотело сказаться. Собирался я и попенять — для первого-то знакомства — Вашей жене за то, что, будучи в Риме в Ваше отсутствие, не пожелала без Вас навестить меня, а жаль — без Вас то и хорошо было бы о Вас позлословить. Вывела меня из моей предосудительной летаргии прилагаемая «дописица»: не зная, что я могу и чего не должен сообщать о Вас, поверяю ее на Ваше

воззрение; если будете писать Вашей, по-видимому, поклоннице, приветствуйте ее и от меня. Итак, ныне Вы пренебрегаете словом, повторяя грешную обмолвку Тютчева о лжи изреченной мысли (всякая грешная обмолвка подхватывается людьми с восторгом), я за это на Вас почти сержусь, — тем более, что Вы прикрываете писательский грех «праздности и уныния» (у Пушкина; «Владыка дней моих! дух праздности унылой...») благочестивыми соображениями о том, что к «вечности готовиться пора». Наилучшее приготовление к вечности есть добрая и, следовательно, непременно деятельная жизнь в ее преддверии, то есть в земном времени: ведь до истинной, священной *vita contemplativa*² мы, в миру о небесном мечтающие, не доросли. Если мысль изреченная оказывается ложью, то она была ложью изначально, в самом сердце человека, откуда истекла. И таких великолепно украшенных лжей и соблазнов в Тютчеве было немало. Есть мысли неизрекаемые, неизглаголаемые по своей высоте и святости; об них *par definition*³ следует молчать (разве лишь, в крайнем случае, намекнуть на них символом), и насильственно (кощунственно!) их изрекающий неизбежно их искажает, но в этом виноват он сам, а не слово. Вам же, после двух великих и светлых событий Вашей жизни, должно много работать в слове. Ведь Вы — поэт, а прямое назначение поэта — славить: Вам ли, именно теперь, не благодарить и не славить? (Псалом 56: 8.9: «Готово сердце мое. Боже, готово сердце мое; буду петь и славить. Воспрянь, слава моя, воспрянь, псалтирь и гусли! Я встану рано» (по еврейски: «разбужу зарю»)). Но прежде всего долг каждого русского, решившегося восполнить свое православие признанием вселенской правды Петра — рассказать о духовном пути, приведшем его к этому решению. Итак, автобиографический отчет о пережитом (а опыты Вашей жизни богаты и разнообразны) для Вас приобретают особенный, ответственный смысл. Хочется, кстати, по привычке стихотворцев, — выписать здесь вступление к моему «Младенчеству»:

Вот жизни длинная минея,
 Воспоминаний палимпсест,
 Ее единая идея —
 Аминь всех жизней — в розах крест.
 Стройна ли песнь и самобытна
 Или ничем не любопытна, —
 В том спросит некогда ответ
 С перелagателя Поэт.

Размер заветных строф приятен;
Герою были верен слог;
Не так поэму слышит Бог;
Но ритм его нам непонятен.
Солгать и в малом не хочу;
Мудрей иное умолчу.

Роман, дорогой друг, пишите широкий роман в прозе: Вы же, как художник, существенно реалист. О романе же не скажешь; «мысль изреченная есть ложь», или, как этот афоризм перефразирован: «подмена правды и жизни словами». Он (пусть он будет, если того хочет Муза, также автобиографическим) может и должен быть самою правдой и самой жизнью. Откликнитесь, если охота, и расскажите побольше и поконкретнее о себе и жизни Вашей. Передайте мой глубокий и сердечный привет и супруге Вашей.

Впервые: РИА I. С. 540–542. Публ. А. Б. Шишкина. Печатается по этому изданию.

Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958) — поэт, мемуарист. См. о нем статью Е. С. Померанцевой // «Писатели русского зарубежья. Литературная энциклопедия». М., 1997. С. 300–303. Об отношениях Оцупа и ВИ см.: РИА I. С. 536–543.

¹ Мф 4: 19.

² Созерцательной жизни (*ит.*).

³ По определению (*фр.*).

В. И. Иванов — С. М. Боура

20 декабря 1947, Рим — Оксфорд

Месье и дорогой Друг,

Я могу называть вас подобным двойным именем: ведь вы, как мой наперник, познакомили Англию с первыми отражениями моей Музы¹. Я по сей день нахожусь под впечатлением от нашей памятной беседы, явившей мне ваш, по-прежнему достойный, образ поэта-гуманиста — и он доньше в моей памяти. Секрет того,

чем я был впечатлен, вам, полагаю, известен: возможно, бессознательно и безотчетно, но вы — поэт: сочиняя греческие строфы² (которым вы отдаетесь в своих строгих исследованиях и критическом анализе), обращаясь к друзьям, также вдохновляющим вас на поэтические переводы (например, ὑλοφίτης Дельф)³. Думается, что Вам трудно не петь с теми, кто поет и не разделять энтузиазм и даже безумства поэтов, которых, конечно, Вам дано судить. Язык иностранных символистов более прозрачен, более безыскусен, чем язык их непосвященных соотечественников⁴. Ваши переводы русской поэзии и точны, и музыкальны, и я рад найти среди них мои стихи, удачно переведенные вами⁵. Кстати, не воспримите слишком серьезно мой безобидный и вовсе не «нигилистский» каламбур о буржуазном приспособленчестве («Кочевники красоты») ⁶; я все же далек от того, чтобы приветствовать «грядущих Гуннов», призванных, по мнению Брюсова, уничтожить культуру и уже прикладывающих руку к тому, чтобы свести на нет весь мой труд. Ваши прекрасные книги («Русские Стихи», «Наследие Символизма»), любезно высланные вами, ценны для меня, и я искренне благодарен вам за этот подарок, сопровождавшийся чудесным, наполненным дружеской памятью, письмом. Наши взгляды на предмет символизма несколько разнятся; я уже наметил свою концепцию Символизма в Итальянской Энциклопедии (Треккани). В отличие от Вас, я придаю меньшее значение поэзии Малларме — стерильной и «несуществующей» (μη ὄν); в действительности она оказала влияние лишь на Валери и только через Валери⁷.

Пожалуйста, передайте приветы и тысячу благодарностей профессору Берлину, великодушно взявшему на себя бремя моей рукописи, и, Вы, дорогой Учитель и Друг, сами примите от меня и от моей семьи, с выражением признательности, наши наилучшие пожелания счастливого Рождества и Нового года.

Искренне Ваш, с глубокой благодарностью.

Вячеслав Иванов

Впервые: *Davidson P. Vyacheslav Ivanov and C. M. Bowra: A Correspondence from Two Corners on Humanism. Birmingham, 2006. P. 102–103.* Примечания П. Дэвидсон. Оригинал на французском яз. Перевод Е. Булучевской.

С. М. Боура (Bowra, 1898–1971) — филолог-классик, поэт; вице-канцлер Оксфордского университета.

¹ ВИ отсылает к английским переводам стихов ВИ, выполненным Боура и опубликованным в 1943 г. (в своих латинских двустушиях, посвященных Боура, Иванов также описывает переводы как «отражения»).

² Очевидно, имеются в виду переводы на древнегреческий Кольриджа и Суинберна, выполненным Боура.

³ «Жрец, взывающий к оракулу» (*греч.*).

⁴ Иванов, вероятно, ссылается на трактовку Боура поэтов-символистов в книге «Наследие символизма», но он может также иметь в виду английские переводы Боура русской символистской поэзии.

⁵ В своей переводческой деятельности Боура стремился настолько, насколько возможно, воспроизвести смысл и стихотворный размер оригинала.

⁶ ВИ ссылается на свое стих-ние «Кочевники красоты», из которого Брюсов заимствовал строку для эпитафии к «Грядущим гуннам» (1904–1905). Боура перевел оба стиха Иванова и Брюсова для «Книги русской поэзии»; в его вступлении к антологии он связывает нигилизм в «Кочевниках красоты» Иванова с «мрачным пророчеством гибели в стихе Брюсова», представляя их воплощением своего рода мистицизма, «необязательно христианского».

⁷ См.: II, 793–794. Для рассмотрения вопроса о подходе Иванова к Малларме в широком контексте русской культуры ср.: *Дубровкин Р.* Стефан Малларме и Россия. Bern: Peter Lang, 1998.

В. И. Иванов — сестре Иоанне Рейтлингер

22 марта 1948. Рим – Париж

Глубоуважаемая Сестра Иоанна,

Примите прежде всего выражение моей неподдающейся однако словесному выражению благодарности за присылку мне на прочтение Ваших драгоценных воспоминаний о страстротерпчестве и благодатно просветленной кончине незабвенного, священной памяти, Отца Сергия Николаевича Булгакова ¹. Это Ваше великодушное дело по-истине было делом христианской любви: Ваша необычайная по своему значению запись несказанно умилила меня и духовно укрепила. Я глубоко признателен и дорогой Марии Михайловне Кульман ², надумившей Вас поделиться со мною духовным сокровищем, целомудренно сберегаемым в сердце небольшого кружка ближайших почитателей и участников во Христе почившего друга моих давних лет.

И потом должен я умолять Вас о прощении за то, что так не извинительно долго держал у себя заветную тетрадку. Каюсь, что у меня все не хватало духа расстаться с ней; неудержимо тянуло меня опять и опять обращаться к ней («есть сила благодатная»³ в этом простом и строгом свидетельстве), а переписать ее, как это мне хотелось, на *typewriter*⁴ для себя, а также и для Вас, я себе позволить не мог, ибо это противоречило бы — казалось мне — Вашей определенно высказанной воле оградить рукопись от распространения.

С глубоким уважением и душевною преданностью

Безмерно обязанный Вам

Вячеслав Иванов

5, via Leon Battista Alberti (S. Saba) Roma.

Впервые: Вестник РХД. 2002. II. (№ 184). С. 183–184. Печатается по этому изданию.

Юлия Николаевна Рейтлингер (сестра Иоанна, 1898–1988) — иконописец, духовная дочь о. Сергия Булгакова. В 24 ноября 1909 г. совместно с её отцом Н. А. Рейтлингером ВИ выступал в дискуссии против доклада председателя Русского теософского общества А. Каменской. См. о Ю. Н. Рейтлингер: *Струве Н. А.* Сестра Иоанна Рейтлингер. 1898–1988 // Вестник РХД. 1988. № 154; *Лейкинц О. Л., Северюхин Д. Я., Янчаркова Ю.* Юлия Николаевна Рейтлингер (сестра Иоанна). [Электронный ресурс.] URL: <http://www.artz.ru/articles/1804786058/index.html>.

¹ Имеется в виду, как можно думать, «запись» 1945–1946 гг., много позднее опубликованная под названием «Отрывки воспоминаний об отце Сергии» (Вестник РХД № 159. С. 55–63; ср. также № 182. С. 64–66. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.rp-net.ru/book/vestnik/>).

² В письме к ВИ от 20 июля 1947 Ю. Рейтлингер сообщала: «Узнав от М. М. Кульман, что Вы интересовались подробностями смерти о. Сергия Булгакова — решаю Вам послать свои воспоминания о его болезни и смерти. Сообщаемое в них не подлежит огласке, до времени. Делились мы ими лишь с очень немногими, самыми близкими, друзьями. Прошу Вас иметь это в виду, и сложить это лишь в своем сердце — когда-то шедшим с о. Сергием близко по пути» (Вестник РХД. 184. С. 182). М. М. Кульман (урожденная Зернова, 1902–1965), видный деятель РХД.

³ Из стих-ния Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...»).

⁴ Пишущую машинку (*англ.*).

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
-----------------------	---

I

ЭССЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Петербургский символизм в истории культуры

<i>М. Бахтин</i> Вячеслав Иванов	9
<i>Л. Пумпянский</i> <О Вяч. Иванове>	19
<i>С. Аверинцев</i> Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова	26
<i>Т. Венцлова</i> Вячеслав Иванов и кризис русского символизма	40
<i>В. Махлин</i> «Ты еси»: Достоевский между Вяч. Ивановым и М. М. Бахтиным.	50
<i>Д. Магомедова</i> Работы М. Л. Гаспарова о Вяч. Иванове	77

Под знаком Диониса

<i>Л. Силард</i> Заметки к учению Вяч. Иванова о катарсисе	84
<i>Г. Гусейнов</i> Проекция «дионисийства» в биографии Вячеслава Иванова.	96
<i>Ю. Мурашов</i> Дионисийство символизма и структуралистическая теория мифа (Вячеслав Иванов и Юрий Лотман / Зара Минц)	122
<i>Е. Тахо-Годи</i> «Остается исследовать источники воли и природу жажды» (О «Римских сонетах» Вяч. Иванова)	132
<i>Н. Сегал-Рудник</i> Дионисийство как прием	145

Практика символизма

<i>Л. Силард</i> К проблеме теургического постулата.	171
<i>Р. Бёрд</i> Символ и печать у Вячеслава Иванова (Запись выступления).	193
<i>В. Проскурина</i> «Переписка из двух углов»: символика цитаты и структура текста.	219

<i>А. Доброхотов</i>	
Тема бытийного дара в мелопее Вяч. Иванова «Человек»	245
<i>П. Дэвидсон</i>	
Афины и Иерусалим: две вещи несовместные? Значение идей Вяч. Иванова для современной России.	253
<i>Анализ поэтических текстов</i>	
<i>Н. Котрелев</i>	
«Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (Из материалов к комментарию на корпус лирики)	260
Вячеслав Иванов. «Аттика и Галилея» (Из материалов к комментарию на корпус лирики)	270
<i>Т. Венцлова</i>	
В. И. Иванов. «Язык»	283
<i>А. Шишкин</i>	
«Слово-плоть»: варианты и редакции сонета Вяч. Иванова «Язык»	295
<i>Е. Тахо-Годи</i>	
Текст и подтекст стихотворения Вяч. Иванова «Аллеи сфинксов созидал...»	307
<i>Б. Аверин</i>	
Палимпсест воспоминаний («Младенчество» Вячеслава Иванова).	322
<i>В. Бибахин</i>	
«Младенчество»	345
<i>С. Титаренко</i>	
Поэма Вячеслава Иванова «Младенчество»: символический язык автобиографического мифа	351
<i>Жизнь и творчество</i>	
<i>Г. Бонгард-Левин</i>	
Индия и индологи в жизни и творчестве Вяч. Иванова	369
<i>Н. Богомолов</i>	
Вячеслав Иванов между Римом и Грецией	382
<i>М. Вахтель</i>	
Рождение русского авангарда из духа немецкого антиковедения: Вильгельм Дерпфельд и Вячеслав Иванов	390
<i>А. Шишкин</i>	
Рим Вячеслава Иванова	399
<i>Г. Обатнин</i>	
«Філіа» Вяч. Иванова как ракурс к биографии	411
<i>Предшественники и спутники</i>	
<i>А. Дудек</i>	
Идеи блаженного Августина в поэтическом восприятии Вячеслава Иванова.	437

<i>М. Цимборска-Лебода</i>	
О понятии «трансцензуса» у Вячеслава Иванова: к проблеме «Вячеслав Иванов и Блаженный Августин»	445
<i>А. Топорков</i>	
Отзвуки Данте в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова . . .	456
<i>С. Федотова</i>	
Вячеслав Иванов, Лейбниц и Барокко	473
<i>А. Пайман</i>	
У водоразделов мысли: кризис или крушение? (тема «гуманизма» у Вяч. Иванова, А. Блока, о. Павла Флоренского)	493
<i>К. Лаппо-Данилевский</i>	
Примечательные метаморфозы (Вяч. Иванов о европейском гуманизме)	503
<i>В. Рудич</i>	
Вяч. Иванов и Т. Манн: парадигмы культурного сознания	520
Промежуточные итоги	
<i>П. Дэвидсон</i>	
Вячеслав Иванов в русской и западной критической мысли (1903–1995)	552
<i>К. Исупов</i>	
Эстетика новой архаики	570
<i>С. Аверинцев</i>	
Вячеслав Иванов — сегодняшними глазами	601

II

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЯЧ. ИВАНОВА

<i>В. Я. Брюсов — В. И. Иванову</i> <i>Конец июля 1907, Москва — Петербург</i>	611
<i>В. И. Иванов — В. Я. Брюсову</i> <i>4 августа 1907, Загорье — Москва</i>	613
<i>Андрей Белый — Вяч. Иванову</i> <i>7 или 8 апреля 1908 года, Москва — Петербург</i>	616
<i>В. И. Иванов — Андрею Белому</i> <i>9 апреля 1908, Петербург — Москва</i>	619
<i>Н. С. Гумилев — В. И. Иванову</i> <i>3 июня 1911, Слепнево — Петербург</i>	621
<i>В. И. Иванов — Н. С. Гумилеву</i> <i>16 июня 1911, Петербург</i>	622
<i>В. И. Иванов — М. О. Гершензону</i> <i>20 декабря 1912, Рим — Москва</i>	623
<i>В. И. Иванов — М. О. Гершензону</i> <i>7 января 1913</i>	625
<i>П. А. Флоренский — В. И. Иванову</i> <i>1 апреля 1914 г., Сергиев Посад</i>	626

В. И. Иванов — П. А. Флоренскому 7 октября 1915 г., Москва	628
В. И. Иванов — П. А. Флоренскому 12 июля 1917, Москва	632
Е. В. Аничков — В. И. Иванову 1924, Скопле — Рим	633
В. И. Иванов — М. О. Гершензону 31 дек. 1924, Рим — Москва	635
В. И. Иванов — Ф. А. Степуну 22 марта 1925, Рим — Дрезден	637
В. И. Иванов — З. Н. Райх 23 августа 1926, Рим — Москва	640
В. И. Иванов — Д. В. и Л. В. Ивановым 17–18 декабря 1926. Павия — Рим	641
В. И. Иванов — Д. В. и Л. В. Ивановым 26 декабря 1926. Павия — Рим	643
В. И. Иванов — М. Буберу 20 февраля 1927, Павия — Геппенгейм.	646
В. И. Иванов — Д. В. и Л. В. Ивановым 26 марта 1927. Павия — Рим	647
В. И. Иванов — Е. Д. Шору 26 октября 1927 г., Рим — Церинген	649
В. И. Иванов — Е. Д. Шору 13 января 1930, Павия — Фрейбург — Церинген	651
Э. Р. Курциус — В. И. Иванову 26 февраля 1932, Бонн — Рим	655
В. И. Иванов — Э. Р. Курциусу 27/28 февраля 1932, Павия — Бонн	657
Е. Д. Шор — В. И. Иванову 18 марта 1932 г., Берлин — Павия	660
В. И. Иванов — Е. Д. Шору 20 августа 1933 г., Павия — Церинген	667
А. Пеллегрини — В. И. Иванову 3 марта 1934, Милан — Павия	673
В. И. Иванов — А. Пеллегрини 19 апреля 1934, Павия — Милан	674
В. И. Иванов — А. Г. Годяеву 7 декабря 1935, Рим — Милан	675
В. И. Иванов — Л. И. Шестову 10 февраля 1936, Рим — Булонь	677
Л. И. Шестов — В. И. Иванову 16 февраля 1936 г. Булонь — Рим	678
В. И. Иванов — В. В. Рудневу 14 июля 1938 Рим — Париж	680

В. И. Иванов — Б. К. Зайцеву 28 марта 1939, Рим — Париж	681
Г. Робакидзе — В. И. Иванову 14 апреля 1939, Берлин — Рим	682
Г. Робакидзе — В. И. Иванову 8 июня 1939, Иена — Рим	683
Л. Пачини-Савой — В. И. Иванову 9 октября 1946, Неаполь — Рим	684
В. И. Иванов — Л. Пачини-Савой 21 декабря 1946, Рим — Неаполь	686
В. И. Иванов — Н. А. Оцупу 24 августа 1947, Рим — Париж	687
В. И. Иванов — С. М. Боура 20 декабря 1947, Рим — Оксфорд	689
В. И. Иванов — сестре Иоанне Рейтлингер 22 марта 1948, Рим — Париж	691

III

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В СТИХАХ И ПОСЛАНИЯХ

<i>Валерий Брюсов</i> Вячеславу Иванову	695
<i>Федор Сологуб</i> Вячеславу Иванову	696
<i>Вячеслав Иванов</i> Апотропей	697
<i>Федор Сологуб</i> Вячеславу Иванову	698
<i>Константин Липскеров</i> Вячеславу Иванову (рондо)	699
<i>Юрий Верховский</i> Вяч. Иванову	700
<i>Михаил Кузмин</i> Ответный сонет	700
<i>Вячеслав Иванов</i> Sonetto di risposta	702
Coda	702
<i>Николай Гумилев</i> В. И. Иванову	703
<i>Вячеслав Иванов</i> Sonetto di risposta	703
<i>Иннокентий Анненский</i> Другому	704
«Мифотворцу — на Башню» (два мифотворения)	705

<i>Велимир Хлебников</i>	
Передо мной варился вар	706
<i>Александр Блок</i>	
Вячеславу Иванову	710
<i>Вячеслав Иванов</i>	
Александрю Блоку	711
<i>Николай Недоброво</i>	
Вячеславу Иванову — на Rosarium	712
<i>Аделаида Герцык</i>	
На появление «Cor ardens» и «Rosarium»	713
<i>Федор Сологуб</i>	
«Розы Вячеслава Иванова...»	713
<i>Александр Скалдин</i>	
Апостольский пир	714
<i>Юрий Верховский</i>	
Erimetron	715
<i>Андрей Белый</i>	
Вячеславу Иванову	716
<i>Вл. Нелединский</i>	
«И был мне чужд наш хитрый Одиссей...»	718
<i>Вера Меркурьева</i>	
Стихотворения из цикла «Вячеславу Иванову — о нем»	718
Стихотворения из цикла «Мечтание о Вячеславе Созвездном»	721
<i>Георгий Чулков</i>	
Поэту	728
<i>Вяч. Иванов</i>	
Г. И. Чулкову	728
<i>Георгий Чулков</i>	
Вячеславу Иванову	729
Третий завет	730
<i>Марина Цветаева</i>	
Вячеславу Иванову	730
<i>Надежда Павлович</i>	
Вячеславу Иванову	732
<i>Моисей Альтман</i>	
Вячеславу Иванову	733
<i>Георгий Кроль (?)</i>	
В. Иванову	733
<i>Игорь Северянин</i>	
Вячеслав Иванов	734
<i>Илья Голенищев-Кутузов</i>	
Вячеславу Иванову	735
<i>Ольга Мочалова</i>	
Мое посвящение Вячеславу Иванову	736

<i>Валерий Перелешин</i>	
Вячеслав Иванов	737
<i>Юрий Иваск</i>	
Памяти Вячеслава Иванова	738

IV

ВЯЧ. ИВАНОВ В ПАРОДИЯХ И ШУТОЧНЫХ СТИХАХ

<i>Леонид Галич</i>	
Полюнь	741
<i>Сергей Горный</i>	
Вечер. Тема	742
<i>Фрицхен</i>	
Хлябнолонное	742
<i>Петр Потемкин</i>	
«Простерши длань, как вестник Божий...»	742
<i>Евгений Венский</i>	
«О, вонмите братья, сестры...»	743
<i>Александр Измайлов</i>	
«Истомных сред моих яд чарый пролив...»	743
«Эрота выпренных и стремных крыльях на...»	745
<i>Владимир Нарбут</i>	
«Целый день ворчит Иванов...»	746
<i>Мария Моравская</i>	
«Ценней всего на Божьем мире смех...»	746
<i>Михаил Лозинский</i>	
«Царит еще над ширью этих мест...»	747
<i>Иван Аксенов</i>	
«Прав ты, наш царь!..»	747
<i>Евгений Байбаков</i>	
«По приглашению Ишкова...»	748
<i>Димитрий Иванов, Лидия Иванова</i>	
Из «Пули времен»: из переводов Вяч. Иванова из Гомера	749
<i>Андрей Коваль</i>	
Молодой культурист из Иванова	749
<i>Сергей Аверинцев</i>	
Серебряный век	749
Комментарии и примечания	751
Сокращения, принятые в настоящем издании	930
Указатель имен	932